

ПОРОСЛЬ

Ирина Сергеевна Родионова родилась в Новотроицке Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный университет. Работает учителем русского языка и литературы в родной школе и психологом в развивающем центре. Печаталась в журналах «Гостиный Дворъ», «Бельские просторы», «Лёд и пламень» и др. Участница Всероссийских литературных фестивалей, совещаний молодых литераторов в Самаре, Казани, Уфе, Оренбурге, Химках. Победитель ежегодного областного конкурса «Золотая молодёжь Оренбуржья» в номинации «Творческая молодёжь» (2019). Обладатель специальной премии в рамках областной литературной премии им. С.Т. Аксакова. Живёт в Новотроицке.

ГЛАВА 1

Машка

Машка проснулась, еле вынырнув из глубокого забытья, — с головой укутанная в тяжёлые сновидения, девочка первым делом почувствовала тепло на губах.

Солнце. Согревающие солнечные лучи.

Будильник ныл противно, тянул высокую ноту, и Машка заворочалась, заползая в духоту махровой простыни, затыкая руками уши. Но в тот же миг простыню сдёрнула резким жестом чья-то рука — несвежая тряпка мелькнула в воздухе, напоминая бегство хищного зверя, и опала вниз, смятая.

— Вставай.

Босые ноги прошлёпали из комнаты, и слышно было, как пальцы Аяны прилипают к дощатому полу.

Вокруг стояла тишина. Сквозь пыльные стёкла в комнату лился солнечный свет — чистый и свежий, он падал на

обои, высвечивая их застарелую желтизну. Машка перевернулась на спину, ещё ничего не соображая со сна.

Рядом тихо закричал брат, дёргаясь, словно изломанная игрушка. Выгибаясь, Илья врезал Машке по ноге, но она не обратила на это внимания. Привыкла уже. Он ведь не со зла. Больной, что поделаешь.

На губах её, бледных и пухлых, плясали солнечные зайчики. Прямо перед глазами на потолке застыло большое рыжее пятно — потемневшая штукатурка напоминала лужу дождевой воды, от светлых разводов по краям до тёмной ржавчины в центре. Каждый раз, засыпая, Машка рассматривала это пятно, и в полутьме оно напоминало чёрную дыру.

Жалко только, что звёзды на этой дыре нельзя было нарисовать. Маруся пыталась было, но со стула её сдёрнула старшая сестра, а потом ещё и наподдала хорошенько, чтобы не трогала чужой серебристый лак для ногтей.

Заплакал неподалёку крохотный Петька, зашёлся басовитым плачем. Машка бесстрастно лежала, обняв себя руками. Духота проникала во все углы комнаты, но первый осенний холодок норвил из расхлябанной форточки забраться под простыню и пощекотать тонкие ноги.

— Машка! Ну, орёт же! — раздался с кухни грозный крик Аяны, и Маша мгновенно спрыгнула с продавленного дивана.

Петька спал на обычном матрасике, брошенном на пол, — детской кроватки в их доме отродясь

не было, а на диван ребёнка боялись укладывать, чтобы он не упал. Подойдя, Машка неловко пригладила торчащий рыжий пушок и цепко ухватила ребёнка за пальцы.

Петька вывернулся и заревел ещё громче, краснея от натуги. Маленький и сморщенный, он больше походил на скелетик какого-то доисторического животного, и Машка мигом представила его бродящим среди зелёных пальм и колючих акаций.

— Отойди! — её резко оттолкнули в сторону, и Машка отшатнулась, чтобы не упасть. К Петьке скользнула Аяна — её длинные чёрные волосы шёлком ниспадали на плечи, лицо, покрытое расчёсанными прыщами, было сосредоточенным и даже немного злым. В руках Аяна привычно сжимала посеревшую бутылочку с подогретой смесью.

Смесь была с комочками, она всегда была с комочками — Петька плевался, кричал, запрокидывал голову и хватался руками за всё, до чего мог дотянуться. Аяна, присевшая на угол скрипучего дивана, кривила губы и торопливо качала брата, чтобы он скорее замолчал.

В коридоре тяжело хлопнула дверь — это Санёк, светловолосый и длинный, как жердь, сбежал из дому. Маша, замерев у подоконника, разглядывала поникшие ветви жёлтых берёз, а её тонкие и бледные пальцы всё крепче впились в ощерившуюся занозами древесину.

— Собирайся в школу, — процедила Аяна, поставив бутылочку

на диван и прижав её к бедру, чтобы не измазать жидкой кашей и смятые простыни, и засаленную ткань скрипучего дивана. Сноровисто вытерла полотенцем рот маленькому Пете.

На диване рядом с ней снова захрятел Илья.

Иногда братья напоминали Маше близнецов — лежали одинаково, глядели мутными водянистыми глазами в её широкое и веснушчатое лицо. Только Петька обычно орал так, что стёкла в деревянных рамах дрожали, а Илья только хрятел едва слышно, будто не в силах выразить криком всю скопившуюся боль. Порой Машка сомневалась, что Илья вообще чувствует хоть что-то. Только видела его пустые глаза и искривившийся рот.

— Собирайся! — рывкнула Аяна, не глядя на сестру, и Машка тут же оторвалась от подоконника.

Сунула в ранец какие-то тетрадки, какие-то учебники (не факт даже, что свои, — и Аяна, и Санёк, и Лидка, и сама Машка всегда вытряхивали всё школьное на вот этот покосившийся стол без правой ножки, которую заменили стопкой потемневших от времени книжек без надписей на обложках). Машка натянула через голову футболку, выгудила юбку, которую носила Аяна, а до неё Виктория, а ещё раньше юбка была маминной...

И вот теперь она Машкина. Нитки истлели и торчали то тут, то там, синева пестрела мелкими катышками, но Маша любила обдирать их кривыми ногтями на

каком-нибудь скучном уроке. Самое главное сокровище красовалось на боку юбки — аппликация в виде букета красных роз с косо наклепленными стразами. Цветы скрывали большую дырку. Когда-то эту блестящую нашлёпку купила Виктория в ателье, а теперь розы стали гордостью и для Машки.

Но Виктория уехала в ГОРОД. И даже поступила в КОЛЛЕДЖ.

Все ею страшно гордились. И Машка тоже гордилась, хоть и с трудом могла представить себе, что же такого прекрасного в этом колледже может быть.

Солнце пощекотало макушку теплом, выдернуло из воспоминаний. Петька заснул, устав плакать, а может, всё-таки наелся серой и комковатой кашей. Аяна, проходя мимо с блестящей розовой косметичкой в руках, лишь молча постучала пальцем по циферблату дешёвых наручных часов.

Машка кивнула и забросила рюкзак на плечо.

— Тамара Васильевна, здравствуйте, — забормотала Аяна в трубку домашнего телефона, от которой змеился длинный кудрявый провод, исчезающий где-то в коридоре. Наверное, ни у кого в городе домашних телефонов больше не осталось — только в их квартире да у соседки, старухи Тамары Васильевны. Интересно, и как телефон не отрубили вместе с телевидением? — Это Аяна. Мы собираемся. Вы скоро?

Трубка чихнула что-то в ответ, пока сестра склонилась над Петькой и осторожно выгудила из его

рта пустьшку. Заскрипели пружины дивана — Илья всегда ворочался, стоило кому-то пройти неподалёку.

— Я ушла! — как обычно, крикнула в пустоту Машка, ничуть тому не печалась. Она и не знала даже, зачем кричит, — все в её семье уходило в молчании: вот звенят привычно ключи, вот скрипит щеколда, воют протяжно дверные пружины, а потом хлопок. Кто-то ушёл.

Всё и так понятно.

Их дом чаще всего напоминал перевалочный пункт — куча детей от мала до велика, все от разных отцов, что в пылу ссоры позволяло крикнуть с обидой: «Ты мне вообще никто, не брат и не сестра!» Мама, как обычно, спала в большой комнате, куда никто не заходил, — раньше это было запрещено, теперь просто не хочется. У матери там всегда гулянья, застолья, пьянки. Друзья, ревущая противно музыка, грохот и пьяный смех.

Иногда Машке нравилось сидеть там, в уголке, глядеть на взрослых. На маму. Мама в такие моменты казалась почти незнакомой, какой-то другой, и Машка, забившись в угол, искоса рассматривала каждый жест, каждое движение, вслушивалась в каждый раскат её смеха.

Уходя, девочка всегда прощалась. Может быть, ждала, что кто-то обнимет перед выходом. Или пожелает хорошего дня. Хоть бы крикнет что-то... Заметит, что она ушла. Но Машка не признавалась в этих мыслях даже

самой себе. Кричала по привычке, да и всё тут.

Перед выходом она всё же заглянула в мамину комнату — приоткрыла дверь с закопчённым стеклом, сунулась носом в кислый запах. Смятая постель, рассыпанные по полу ржавые чипсы, заваленный мусором стол — вот в вазочке поряжутся маринованные помидоры, вот вянет букет листы в мутном стакане... Это Машка принесла букет, ободрала клён у школы.

Мама нет. Разве можно было надеяться на что-то другое?

А вдруг.

Улицу затопило солнечным светом — прохладным, ещё таящим в себе нотки умчавшегося лета. У мусорных баков грузная сонная дворничиха мела улицу, скребла ветками по асфальту самодельной метлой, разбавляла шёпот желтеющих деревьев. Машка вдруг на секунду увидела в дворничихе маму, но потом лишь мотнула головой — мама ведь худая, как щепка, куда уж до неё этой бесформенной бабе?

Куцые прядки волос никак не хотели заправляться за уши — Машку всегда подстригала Аяна, и девочка потом стягивала резинкой жалкие остатки причёски, заливалась смущённым румянцем. Сейчас волосы чуть отросли — сальные и неопрятные, они кружились вокруг головы осенним танцем, и Машка ловила пряди пальцами, улыбаясь во весь рот.

Ей сегодня было удивительно хорошо: солнечное утро, Аяна задержалась с Петькой, а значит,

Машка пойдёт в школу одна. Как взрослая. Обычно они шли вдвоём или троём — порой к Машке с Аяной присоединялась толстощёкая и некрасивая Лидка, ещё одна сестра, но сегодня её почему-то дома не было.

Как же всё-таки чудесно на душе!

Машка кинулась к школе, распинывая сочные жёлтые листья, устилающие чёрное полотно асфальта. Девочке хотелось петь — и Машка запела, бубня себе под нос какую-то навязчивую мелодию, пританцовывала, кружась, позволяя осеннему ветру подхватить полы застиранной розовой куртки и хлопать ими, аплодируя.

Семья у Машки, как уже можно было догадаться, большая — старшей дочерью была Виктория, которую все называли именно Викторией и никак иначе. Она окончила школу, уехала зарабатывать деньги и жить красиво. Все остальные дети ей завидовали. Аяна, восточная красавица, как её раньше называла мама, осталась за старшую, и поэтому теперь могла безнаказанно всех ругать, бить и воспитывать. Машка, честно говоря, Аяну побаивалась.

Следующим шёл Санёк — он казался среди детей белой вороной с короткими светлыми волосами, водянистыми глазами и щербатой кривой улыбкой. Санёк приносил больше всех проблем: он ходил к психиатру и отмечался в полиции, попадал в передраги и жил в обезьяннике. Санька никто не любил.

Затем Лидка — Лидка как Лидка, с серыми короткими волосами, толстая и неприятная. Лидка часто плакала и мало разговаривала, предпочитала бродить по улицам в одиночестве. За Лидкой появилась сама Машка, весёлая и беззаботная, любящая и семью свою непутёвую, и весь этот прекрасный мир. Один только солнечный блеск на нашивке с розами рождал в её детской душе огромный и беспечный восторг.

Следующим родился Илья — мальчишка появился на свет больным. Машка не помнила точного диагноза, но знала, что Илья всегда лежит на диване, скрюченный и размахивающий кривыми руками. Иногда Аяна укладывала брата в детскую коляску, откуда торчали его костлявые длинные ноги, и везла гулять, но такое настроение у сестры было делом редким.

Последним стал Петёк — до его рождения прошло много времени, и вся их разношёрстная семья надеялась, что больше братиков и сестричек не предвидится. Но родился Петёк — рыжий и капризный, он постоянно плакал, требуя к себе внимания.

Мама нигде не работала — все они жили на детские пособия и на инвалидные брата. Папа был когда-то далеко-далеко в Машкином детстве, но потом он по пьянке зарезал друга, и его упрятали в тюрьму. В первые годы мать ходила к отцу с котомками, порой брала с собой Машку, но потом забросила это дело. Папа остался воспоминанием.

А сейчас на улице стоял конец сентября, солнце напительвало мир теплом, а в воздухе кружились светлые, чуть золотистые паутинки. Машка бежала в стоптанных кроссовках и пела, радуясь осени.

— Машка! Ты чё там горла-нишь?! — вылетели из-за угла глумливые и хихикающие Машкины одноклассники. Она остановилась, сжав в руке дубовый листик, сорванный неподалёку.

— Пою, — с улыбкой призналась девочка.

— Нам спой чё-нибудь, — предложил Влад, самый толстый и нахальный из всего Машкиного пятого класса. — А мы послушаем!

И Маша запела — задрожал в воздухе некрасивый детский голосок, девочка глотала окончания и не дотягивала нотки, но всё равно пела — самозабвенно, искренне и с удовольствием. Одноклассники заржали, как кони на водопое, и, отвернувшись, бросились к школе.

Машка, не растеряв своей улыбки, побежала за ними.

В школе было душно, на входе караулила бдительная директриса, а в вазочке у охранников стоял поникший букет астр. Мелкие первоклашки с гигантскими белыми бантами сновали по коридору, стягивая куртки с плеч и переобувая ботиночки. Старшеклассники, остро пахнущие сигаретами, прошмыгивали через пост директора, втягивая голову в плечи и задерживая дыхание.

Машка, всё еще сжимающая в руках дубовый листочек, весело пробежала мимо, крикнула задорно:

— Здравсьте!

Директриса поджала губы, но поздоровалась глухо.

Забившись в уголок у лестницы на втором этаже, Машка уселась прямо на бетонный пол и достала из ранца отломанное зеркальце от пудреницы и помаду Аяны — бордовую, почти чёрную. Открутив колпачок, девочка долго смотрела на тёмный карандаш — всего минута отделяла лохматую и некрасивую Машку от красавицы Марии. На самом деле в свидетельстве о рождении Машку записали как Марусю, но всем привычнее было говорить именно о Машке.

Да и сама Машка не возражала.

Прищурившись и зажав в дрожащей руке зеркальце, Машка густо обвела губы бордовой помадой, закрасила всё, что было бледным и некрасивым. От напора помада не выдержала — переломилась пополам, и толстый кусок рухнул на пол. Девочка подобрала его дубовым листком, сунула в карман. А потом испуганно втянула голову в плечи — ох, и влетит же ей от Аяны.

Но это будет потом. А сейчас — шикарные бордовые губы, винный оттенок, как называла его Аяна. Правда, левая половинка верхней губы вышла куда больше правой, но и это не беда — Машка стерла всё лишнее, отчего кожа покраснела и налилась багрянцем. Только хуже сделала. Не растерявшись, Машка обломком помады добавила цвета правой и левой одновременно — губы стали огромными, яркими и красивыми, как у моделей из рекламы.

Сидя под лестницей в редком пятнышке света, едва пробивающемся сверху, Машка любовалась своими губами. Спрятав зеркальце и трупик помады в карман, она направилась напрямиком в класс. Первым уроком у них была история — второй этаж, направо и до конца коридора.

На Машку все оборачивались, а она шла, выпрямляя спину так, будто и правда была фотомоделью. Глаза у девочки горели счастьем.

В класс она вплыла лебедем — застыла на пороге, позволяя всем и каждому разглядеть её прекрасный макияж, её шикарные губы, её восхитительную внешность. Привалившись плечом к косяку, Машка обвела всех торжествующим взглядом.

В кабинете повисла тишина. Толстый Влад застыл у своей парты, раскрыв в изумлении рот. Перешёптывания, тычки в спины, кивки на Машку. Они все смотрели и молчали.

— Господи, Савкина... — выдохнула в ужасе историчка, и слова её прозвучали громом, будто стартовым свистком.

Класс взорвался хохотом — дети визжали, тыкали пальцами в Машку, покатывались и картинно падали со стульев, подбегали поближе, кто-то достал телефон... Историчка, взлетевшая со своего места коршуном, подскочила к Машке и схватила её за плечо, крепко впились в кожу длинные тонкие пальцы с острыми когтями.

— Умываться. Быстро! Боже, как клоун, что же вы творите-то...

Машка не поняла, чего в её голосе было больше — бессильной злости, жалости или... зависти? Наверное, историчке тоже хотелось такие же большие и красивые губы.

Историчка притащила Машку к директрисе — проволокла со второго этажа, крепко и больно держа за плечо, а потом толкнула вперёд, словно предлагала полюбоваться видом своей ученицы. Машка улыбнулась смущённо, надеясь, что директриса оценит губы по достоинству.

— Вот, — ябеднически произнесла раскрасневшаяся историчка. Позади их странной процессии всё ещё слышался смех. — Полюбуйтесь, какими наши пятиклассницы приходят в школу. Это же кошмар! Это деградация полнейшая!

— Мимо меня она прошла в нормальном виде, — процедила директриса, удостоив Машку холодным взглядом, и девочка мигом поняла, что оценить по достоинству тут явно не выйдет.

— Значит, в школе намалевалась! — продолжала кипеть историчка. — Беседуйте! Мне надоело!

И, развернувшись, удалилась прочь, громко цокая каблуками.

— Ты не знаешь, что в школу запрещено приносить косметику? — сурово спросила директриса, и Машка потупила взгляд. Помада вдруг пламенем обожгла кожу.

— Я думала, что...

— Ты не знаешь? — громче повторила директриса. Вокруг них начала собираться толпа из любопытствующих.

— Знаю. Мне казалось, так красиво...

— Нет, — брезгливая гримаса вновь исказила лицо. — Это некрасиво. Совсем. Это уродство. Ты похожа на пугало. Быстро умываться.

Машка развернулась, готовая броситься к раковинам у столовой, когда суровый окрик ударил под лопатки:

— А потом мне покажешься!

Ледяная вода колола губы. Руки покрылись бордовыми разводами — на розовой коже тёмные росчерки помады казались шрамами. Фыркая, Машка умывалась, пыталась оттереть стойкую помаду, но от этого лишь распухали губы, а вокруг них жгло натёртую кожу.

Спустя десять минут, когда уже прозвенел первый звонок, Машка появилась перед директрисой — красная, с губищами на пол-лица, но всё ещё улыбающаяся.

— Ужас, — резюмировала директриса. — Больше чтобы я не видела. Иди на уроки.

И Машка пошла на уроки.

На лестнице её поймала за рукав футболки Аяна — все прыщи старшая сестра замазала тёмным тональником и прикрыла пудрой, отчего лицо казалось искусственной маской, но противные прыщички всё равно шелушились и насмешливо проглядывали красными пятнышками. Аяна была злой, как чёрт, глаза её горели чёрным гневом.

— С ума сбрендил? — зашипела Аяна, прижимая сестру к стенке. — Гони помаду!

С трудом выудив ранец, пока Аяна держала её в крепких тисках, Машка вытащила закрытый тюбик и сунула сестре в руку, молясь, чтобы она не стала отвинчивать колпачок. Аяна бросила помаду в карман брюк и, приблизив лицо, буквально плюнула сестре в глаза:

— Дома поговорим. Воровка!

— Прости, — пробормотала Машка, но Аяна уже не слушала — резко развернувшись, она побежала наверх, спеша на свои уроки. Аяна училась в девятом классе, и все знали, что рано или поздно сестра уедет в город к Виктории, тоже зарабатывать деньги и тоже жить красивой жизнью.

Появление Машки встретили аплодисментами — смущённо зардевшись, девочка скользнула на место, пытаясь сдержать тёплую улыбку. Историчка замолотила ручкой по столу, призывая всех к тишине, но натёртые Машкины губы никого не могли оставить равнодушным.

— Угомонились! — рывкнула историчка, разозлившись, и смешки стали сдерживаемыми, а шёпот — едва слышным. Машка вытащила из сумки какие-то тетрадки, дневник и учебники, бросила на парту и выпрямилась, чувствуя себя местной звездой.

Настроение у девочки, несмотря на ядовитый холод директрисы, оставалось прекрасным. Жалко, правда, что помаду пришлось смыть — такие красивые ведь были губы...

В спину Машке невесомо врезался бумажный шарик — отпрыгнул и укатился куда-то под стул.

Склонившись, девочка с трудом дотянулась до бумажки и, спрятав клочок за дневником, осторожно развернула. Историчка вызвала к доске тихую мямлю Леночку Яценко, и теперь та стояла, пытаясь выжать из себя хоть что-то, умоляющим взглядом скользила по одноклассникам.

На вырванном листочке в клетку было торопливо написано: «Молоток, Машка! Крутые губы. Красотка!» — и подпись.

Таня Марычева.

Марычева! Таня была главной красавицей класса — с огромными голубыми глазами, пушистыми чёрными ресницами и струящимися золотистыми волосами, она с самого детства приковывала к себе всё внимание и была главной в классе. Таня Марычева и подруг себе подбирала весьма придирчиво — только самых хорошеньких и весёлых, с кем не стыдно было и вечером погулять, и на вечеринку сходить.

Машка Савкина и Таня Марычева были настолько далеки друг от друга, что почти не замечали, что они одноклассницы. Машка в своих обносках, с некрасивым крючковатым носом и чуть косящими глазами никак не могла попасть в компанию к Тане.

А тут такое!

Обернувшись, Машка посмотрела на одноклассницу с такой признательностью и жалкой улыбкой, что заслезились глаза. Таня, поймав её взгляд, улыбнулась натянуто и показала два больших пальца.

подавившись хохотом, закашлял сидевший с Таней

главный красавец класса, Димка Большаков — пловец, отличник и староста. Машка с недоумением посмотрела на Димку, не понимая, почему он смеётся.

— Савкина! — в очередной раз взорвалась историчка. Кажется, у неё с утра было плохое настроение. — Раз так хочется пообщаться, иди к доске! Ты сегодня и так у нас успела побыть павлином, пошли за пятеркой!

Шутка учительницы была не такой уж и смешной, но класс, изнывающий от невозможности похихотать в голос, просто прорвало — постанывая от смеха, ребята принялись шептаться почти в полный голос. Машка, вновь скупно улыбнувшись, поднялась с места.

Дорога до доски была долгой и неприятной — между лопатками зачесалось противное чувство, в горле пересохло, а ладони, наоборот, вспотели. Мямя Леночка Яценко, выпросившая себе тройку, сидела за первой партой с блаженным лицом.

Встав у доски, Машка неуверенно скрестила на груди руки и спросила:

— А чё отвечать-то?

— Домашнее задание, — кровожадно отозвалась историчка, не давая и подсказки.

— Я не готова, — смиренно призналась Машка, понимая, что выкрутиться не удастся.

Она ждала торжествующего выкрика «Два!», ждала очередной двойки в дневник, вызова мамы в школу (мама всё равно не придёт), ждала нагоняя от Аяны... Но историчка, откинувшись на

студе, спросила, словно палач:

— А почему ты не готова?

— Не поняла тему, — брякнула Машка и тут же пожалела о своих словах.

— Какую тему? — по классу вновь пронеслось хихиканье. Машка пристыженно молчала.

— Два, — наконец-то резюмировала историчка. — Неси дневник.

Машка доковыляла до парты, схватила розовый дневник с игристыми котятами, на которых блестящие стразы из дешёвого магазинчика недалеко от дома. Котятки упали на стол перед историчкой. Распахнув дневник, учительница полистала его, с недоумением глядя на незаполненные поля и многочисленные записи красной ручкой, на кровавых лебедей-двоек, замечания...

— Тебе не стыдно? Только сентябрь. Пятый класс, — удовлетворяя любопытство одноклассников, историчка показала всем исчерченный красной ручкой дневник. Класс ненатурально охнул с такой силой, будто Машка кого-нибудь убила, не иначе.

Маша молчала: мяла пальцы, поддевала носком кроссовки задирающийся линолеум.

— Лучше бы об учёбе думала, чем губы малевать. И кем ты будешь с такими оценками?

— Проституткой, — едва слышно шепнул толстый Влад, и все снова захихикали. Слава богу, учительница не услышала, продолжая что-то размашисто писать в пустом дневнике. А вот Машка услышала. Она резко подняла голову и отозвалась:

— Я буду ветеринаром.

— Тогда учиться надо хоть чуть-чуть... Знаешь, я бы хотела побеседовать с твоей матерью. Когда она сможет зайти в школу?

— Она не придёт, — угрюмо отозвалась Машка.

— Ей что, всё равно, как учится её дочь? Ей всё равно на тебя, Маша?

— Нет.

— Тогда она придёт.

— Она не придёт. Нас семеро у мамки, если она ко всем будет ходить... Да и она опять... Не придёт, я ж говорю.

Историчка замолчала, прикусив губу. В классе вновь воцарилась мертвенная тишина — каждый прислушивался к глухому шёпоту Машки и отрывистым репликам учительницы.

— Понятно. Садись, Савкина. На следующем уроке тебя спрошу первой, готовься, — и брезгливо толкнула дневник обратно к девочке.

После урока к погрузневшей Машке подошла Таня Марычева. Глаза у главной красавицы лихо-радочно горели.

— Слушай, а хочешь сегодня с нами погулять?

— С вами? — тихо переспросила Машка, боясь, что ей просто послышалось.

— Ну да. Я, Юлька, Димка будет, Федя ещё. Хочешь?

— Хочу.

— Тогда в четыре у вокзала. Договорились?

— Да, — и, уже глядя на удаляющуюся спину, Машка крикнула: — Спасибо!

В груди у неё мигом потеплело.

Когда уроки закончились, а пятиклассники торопливо помчались к выходу, Машка, бегущая со всех ног, едва не врезалась в Аяну — та ждала у раздевалок, скрестив на груди руки и поджав губы. Её суровое лицо не выражало ничего хорошего. На лавке перед сестрой лежала Машкина розовая курточка.

— А где Лидка с Саньком? — окольными путями начала разговор Машка, позволяя Аяне натянуть на себя куртку. В душе девочка молилась, чтобы старшая сестра не заметила сломанную помаду.

— У Лидки семь уроков. Санёк и не появлялся, — глухо сказала Аяна, застёгивая молнию на куртке. — Показывай дневник.

— Давай дома, — Машка дернулась, вырываясь из крепких рук, но Аяна не отпускала. — Потом. Меня позвали гулять.

Развернув к себе сестрёнку, Аяна распахнула ранец и вытащила розовый дневник с игривыми котятками. Увидев размашистую красную надпись и огромную двойку, сестра примолкла, а между её чёрными густыми бровями пролегла тяжёлая морщинка.

Маша стояла, потупив взгляд, вслушивалась в дыхание сестры.

— Опять, — рубанула Аяна так, будто ничего другого и не ждала. — И мать в школу.

— Я забыла выучить, — соврала Машка, прищурившись.

— Ты забыла нормальной родиться! — огрызнулась Аяна, возвращая дневник. — Понятно. С историчкой я поговорю, но если ты не справишь, я из тебя душу

вытрясу, поняла меня? Не слышу.

— Поняла.

— Иди давай. Чтобы к пяти дома была.

— Но я...

— Сейчас вообще запрещаю.

— Ты мне даже не мама! — вспыхнула Машка, отпрыгивая в сторону, чтобы тяжёлая рука Аяны не успела отвесить ей пощёчину. — Запрещу, вытрясу! Достала! Отстань ты от меня. Я сама знаю, что мне делать!

— Мерзавка, — утробно прорычала Аяна, но Машка, сорвавшись с места, уже пулей вылетела из школы. Аяна стояла посреди узкого коридорчика, где бледными цветами мелькали широкие банты учеников. Аяна в чёрной блузке с длинными рукавами и в чёрных брюках выглядела среди толпы старухой-смертью. Помолчав, она развернулась и побрела обратно, впереди были ещё два урока и консультация. Училась, правда, Аяна из рук вон плохо, но исправно ходила на все уроки — подавала пример мелким.

Какой могла.

...Машку на вокзале уже ждали — она забежала домой, переоделась в джинсы и вытянутый свитер, а потом примчалась ровно к назначенному времени, ощущая внутри странный, почти незнакомый трепет. Таня Марычева! Да ещё и с Димой!

Машка никогда не мечтала о такой компании.

Да с ней вообще мало кто соглашался гулять — хоть фамилию Савкины носили только Машка да Илья, разговоры о бедности и пьющей матери ударяли по всем

детям без исключения. С ними никто не общался, учителя чаще кричали на непутёвую детвору, а Машке ведь так хотелось дружить со всем миром вокруг...

— Привет! А чего без губ своих? — спросила красавица Таня, и Федя, ещё один одноклассник, противно загоготал. Споткнувшись, Машка замерла на полпути, прижала ладонь к губам, поражённая одной-единственной мыслью — и как она не подумала?! Они ведь наверняка захотели с ней погулять только потому, что сегодня она была такой смелой, такой красивой и заслужила быть рядом с ними...

— Сестра отобрала помаду, — сбивчиво пробормотала Машка, и они все разом засмеялись. Она засмеялась тоже — не зная, над чем и почему, но желая быть вместе с ними.

Вместе.

— Ладно, погнали! Юлька не придёт, — отозвался староста Димка и прыгнул прямо на рельсы. Они все прыгнули следом, и только Машка осталась на перроне, испуганно топчась на месте.

— Это же не опасно?

— Ты что, боишься? — спросила Таня, глумливо прищуривая глаза. Машка узнала этот взгляд — так всегда смотрела Аяна, когда ей стыдно было за проделки сестёр и братьев.

— Нет, не боюсь, — решительно сказала девочка и прыгнула на пути. Вся их компания бросилась вперёд, они побежали по шпалам, лавируя между железнодорожными светофорами и стрелками, пытаясь скорее скрыться

от чужих глаз. Машка знала, что детям запрещено гулять по путям, но бежала вместе со всеми.

Вместе. Ведь это самое главное, так?

Вокзал в их городе был обшарпанным и вечно пустым — Машка никогда не ездила на поездах, но всегда хотела попробовать. Она помнила, как однажды, будучи совсем маленькой, ходила куда-то с Викторией — в то время за детьми на правах старшей ещё присматривала именно она — и маленькая Машка в предвкушении замирала у путей, дожидаясь поезда. Большой и чёрный, грохочущий и свистящий, поезд пролетал стрелой мимо них, а Машка взвизгивала от восторга...

— Это электричка, — сказала тогда Виктория, крепко держа девочку за руку. — Как трамвай, только быстрый. И ездит далеко.

— Круто, — уважительно отозвалась Машка, огромными глазами глядя на неведомую электричку.

— Если хочешь, то помашь рукой, и пассажиры тебе ответят, — предложила Виктория, присаживаясь на корточки рядом с сестрёнкой.

И Машка принялась махать изо всех сил, приветствуя незнакомых людей из красивой электрички.

Теперь девочка повзрослела, она давно не то чтобы не виделась, а даже и не разговаривала с Викторией, и та электричка из детства осталась лишь счастливым воспоминанием. Потом, много лет спустя, они на вокзале провожали Victорию в новую жизнь — мать

не пошла, она снова была в запое. Петьки ещё и в помине не было, а с больным Ильёй сидела всё та же соседка. Виктория обнимала всех, гладила по плечам, смеялась и обещала, что выучится и найдёт работу, а потом заберёт их всех в большой город, и они будут жить там весело и счастливо.

Аяна сказала чуть позже, что это всё неправда, а Виктория просто подарила глупой малышне мечту. Но мечту маленькой Машке подарила именно Виктория, и Аяна отобрать её уже не могла. Машка теперь обеими руками за мечту эту, иллюзорную и детскую, держалась, надеясь в один прекрасный день забыть и о вечно плачущем Петьке, и о дерущейся Аяне, и о злом Саньке.

Сейчас Машка бежала по шпалам следом за Таней Марычевой, глядя, как солнечные лучи напитывают распущенные волосы одноклассницы сияющим золотом. Далеко позади остались и вокзал, и платформа, и случайные пассажиры, с осуждением глядящие на юных разбойников. Паутина из шпал тоже осталась позади, и теперь ребята бежали по прямой, по одним-единственным рельсам, улюлюкая и хохоча, и Машка хотела вместе с ними.

Мимо потянулись хилые лесопосадки и безбрежное золотистое море выгоревшей степи — по бокам насыпей торчали облезлые сорняки и чахлые карагачи, всё ещё сохраняющие в серо-зелёных резных листочках летнее тепло. Машка бежала, полной грудью вдыхая запах какого-то прогорклого масла, горной пыли

и нагретого за день воздуха, и ощущала себя вдруг такой счастливой, такой бесконечно радостной, что на глазах выступали слёзы, — то ли от восторга, то ли от ветра, бьющего прямо в лицо.

Наконец, их гонка завершилась, и пятиклассники съехали по насыпи под карагачи, замерли там, переводя дух. Таня Марычева глянула на тоненькие золотистые часики на запястье, прищурилась:

— Пять минут. Кто первый?

— Я пойду, — отозвался решительно Димка, приглаживая рукой растрепавшиеся волосы.

— Куда пойдёшь? — глуповато спросила Машка и улыбнулась от уха до уха. Федя снова хохотнул.

— Сейчас увидишь, — отозвалась Таня, и глаза её вспыхнули.

Забравшись по насыпи на рельсы, Димка воткнул белоснежные наушники — его голова мигмом начала рвано поддёргиваться в такт музыке, стоило только щёлкнуть по иконке в телефоне. Вот так, двигаясь под музыку, он и побрёл по рельсам, смотря вперёд потемневшими глазами.

Лицо его стало бледным и сосредоточенным.

Машка с ребятами отошла чуть дальше и теперь пристально следила за Димкой. В груди у девочки поселилось неприятное чувство — вокруг шепчущая ковылём безбрежная степь, полуголые деревья, ветер гонит сухую листву по рельсам. Димка бредёт, ничего не слыша.

— А если поезд? — взволнованно спросила девочка, и в то же мгновение Таня схватила её

за рукав свитера — аккуратно, одними пальцами за самый край, но удержала на месте.

— Тише. Смотри.

Димка шёл вперёд. Воздух вокруг него начал едва уловимо вибрировать, знаменуя приближающийся поезд, и у Машки волоски зашевелились на руках.

— Это же опасно! — брякнула она поспешно, но её оборвал Федя:

— Заткнись!

Позади Димки показался длинный чёрный поезд, грохочущий и приближающийся с каждой секундой. Машка зажмурилась, зажимая себе рот рукой. Таня всё ещё держала её за рукав, и от касания этих тёплых пальцев в любое другое время у Машки бы дыхание перехватывало, но сейчас она слишком волновалась за Димку.

Что они задумали?!

Поезд завыл протяжно — сработал оглушающий гудок. Машинист заметил бредущего по путям подростка и принялся сигналить, предупреждая его. Димка шёл вперёд — спина окаменела, воспалёнными глазами он всматривался в друзей, и Машка, приоткрывшая один глаз всего на миг, подумала, что он смотрит только на неё.

Всё ближе и ближе поезд. Заскрипели тормоза — машинист попытался остановить огромный состав, прекрасно понимая, что уже не успеет.

Машка, не выдержав, закрыла лицо руками, сгорбилась к самой земле. Конечно же, она не могла увидеть, как Федя за её спиной

резко махнул рукой, и в ту же секунду Дима отпрыгнул в сторону, сдёргивая с головы наушники.

Поезд, продолжая механически визжать, промчался мимо, обдав Машку тёплым воздухом. Дрожа, она открыла глаза и тут же увидела, как к ним бежит раскрасневшийся Димка.

Живой Димка.

— Блин! — в восторге закричала Таня, прижимая к себе Димку с таким трепетом, словно между ними была настоящая любовь. Димка крепко обнял Таню в ответ. — Всего пара секунд оставалась! Круто!

Димка лишь хохотнул, стирая испарину с покрасневшего лба.

— Я следующий, — вызвался Федя, явно ревнующий к столь восторженному вниманию. Машка стояла в молчании, вытаращив глаза, и ничего не понимала.

Пока Федя карабкался на насыпь, чтобы испытать себя на прочность, Таня, отбросив с лица золотистый локон, объяснила новенькой Машке:

— Мы тренируем сверхъестественные способности. Знаешь, как в фильмах про супергероев. Включаем громко музыку, чтобы ничего не слышать, и идём вперёд, пытаемся почувствовать спиной приближение поезда. Чем ближе от поезда ты успеешь уйти, тем ты круче. Видела, как Димка долго продержался?! Он чувствовал.

— Прямо спиной? — с восторгом спросила Машка.

— Да, — скромно, но мужественно отозвался Димка, пытаясь не расхохотаться Машке

прямо в лицо. Таня врала само-
забвенно и так по-настоящему...

— С ума сойти, — пробормота-
ла Машка. Она поверила.

Тем временем Федя, врубив
музыку, пошёл вперёд. Даже
отойдя в сторону, Машка всё рав-
но видела, как дрожат его руки,
как он медленно переставляет
ноги, словно пятками хочет по-
чувствовать приближение соста-
ва. Прошло минут десять, и поезд
действительно появился — гру-
зовой товарняк, мчащийся с не-
мыслимой скоростью. Поезд был
таким большим, что маленькая
фигурка Феди на его фоне каза-
лась игрушечной, и Машка заку-
сила мизинец, не в силах оторвать
взгляд от этой картины.

— А если он не почувствует?
— тихо спросила она. — Его же
собьёт...

— Не собьёт, — уверенно ото-
звалась Таня. — Он почувству-
ет. Мы давно тренируемся. Это
очень легко.

Пока девчонки говорили, всма-
триваясь в дрожащего Фёдора,
Димка отступил чуть за Машкину
спину, готовясь дать другу сигнал
к отступлению. Обычно они ма-
хали рукой секунд за пять-десять
до неминуемого столкновения — и
тут вопрос оставался только в том,
захочет ли человек на путях проя-
вить героизм или же сразу после
знака уйдёт в сторону. Такая при-
кольная игра немало щекотала им
нервишки: вой и гудение поезда
за плечами, взволнованные лица
девчонок, друзей, бьющий в голо-
ву адреналин, восторг...

Сегодня они, увидев в шко-
ле ярко покрашенную Машку,

решили немного изменить при-
вычный сценарий. Чуть-чуть
поиздеваться, подшутить, пове-
селиться. Поэтому Димка, стоя-
щий за спиной у девочки, и гото-
вился дать знак.

— Страшно, — прошептала
Машка.

Поезд всё ближе. Таня пода-
ётся вперёд, в глазах её кипит
жажда, ужас наполоам с азар-
том, она разве что зубы не скалит
в этом первобытном чувстве. Ещё
минута. Скоро...

Не выдержав, Федя бросается
в сторону, вскрикнув от страха, —
до приближения поезда ещё дале-
ко, но мальчик, по-видимому, что-
то почувствовал и, пулей слетев с
рельсов, покатился по насыпи,
обдирая колени и локти. Машка
бросилась к нему, а Дима, гото-
вящийся дать знак, опустил руки.
На лице его застыла непонятная
grimаса.

Когда Машка подбежала к
однокласснику, тот уже поднял-
ся, стяхивая с брюк налипшие
камушки. Глубокие царапины на
руках сочились кровью, а в гла-
зах у Феди стояли слёзы — слёзы
стыда, трусости. Таня подошла
неспешно, сорвала несколько
вялых и крупных листьев, протя-
нула их, кривя губы. Федя чуть
не плакал.

— Всё в порядке? Ты нормаль-
но? — взволнованно спрашивала
Машка, прикладывая листья к
разбитым локтям. Федя вырвал
листву из её рук, а в глазах его
мелькнул гнев:

— Да заткнись ты! И отстань!

Машка, покраснев и замолчав,
сделала шаг назад. Таня стояла

рядом с Димкой, скрестив на груди руки, и оба они будто презирали Федину трусость.

Федя же, отвернувшись ото всех, грязной ластиком стирал кровь со своих царапин, морщился, но больше даже не от боли, а от бессилия. Завтра Таня, брезгливо поджимая пухлые губы, примется рассказывать подружкам о том, как Димка спрыгнул в последнюю секунду, бесстрашный и смелый. И как он сам, Федя, малодушно скатился вниз, обдирая локти и колени. Понятно, трус, ведь о приближении поезда и речи-то не было.

— Ну что, Маш, попробуешь? — предложил Димка, только бы сказать хоть что-то, нарушить вязкую и плотную тишину.

— Я? — голос Машки показался неуверенным и робким. Она улыбнулась смущённо и отступила назад.

— Не бойся, — прошептал Димка и шагнул прямо к ней, а потом протянул руки и крепко стиснул её ладони. Сжал их в горячих руках, посмотрел ей в глаза. — Я в тебя верю.

— Да, Маш, ты же такая смелая! Я была уверена, что ты не испугаешься, и поэтому взяла тебя с нами...

Девочка испуганно глянула на Таню — да неужели она сейчас струсит, когда её пригласили в самую главную и самую крутую компанию класса?! Неужели испугается какого-то поезда? Ведь всегда на крайний случай можно поступить, как трусливый Федя, — только Машке никто и слова не скажет, потому что она это делает

в первый раз, и ей ведь интересно попробовать, ведь это наверняка так круто...

Да и Димины руки так надёжно согревали её бледные ладошки, что внутри возникло какое-то сладостное чувство, от чего зашумело в голове и...

— Я могу попробовать, — отозвалась едва слышно Машка. — Я попробую. Только у меня нет наушников с собой...

Ребята переглянулись — Таня закусила губу, Федя в стороне тёр листьями разбитые колени, Димка, всё ещё держащий девочку за руки, отвёл глаза. Никто не хотел давать ей свои наушники. Но ведь тогда сорвётся весь план...

— Ладно, — выдохнула тяжело Таня. — Возьми мои. Только аккуратно! Меня мать убьёт, если с ними опять что-то случится...

Машка с благодарностью схватила протянутые ей белоснежные наушники, расправила осторожно в пальцах, воткнула в уши и улыбнулась друзьям.

Не могла ведь она рассказать, что наушники — пожелтевшие, старые, с неработающим правым креплением — в их семье были только у Аяны. Больше никто не мог так слушать музыку; однажды Санёк пытался у Аяны их отобрать, дрался и кусался, но старшая сестра отвоевала право на наушники. Порой она давала их Машке или Лидке, но только под её чутким руководством.

Обычно же они включали музыку на всю громкость. Ревел Петька на своём матрасике, кричал инвалид Илья, стучали по батареям соседи.

— Я готова, — произнесла Машка, не двигаясь с места. Ей не хотелось отпускать Димку.

— Удачи, — сказал он, улыбнулся ей во весь рот и отступил.

Машка полезла на насыпь.

Пятиклассники, которые никогда бы не назвали себя Машкиными друзьями, отошли подалее, перешучиваясь и гогоча, как перекормленные гуси. Таня, тербящая в руках локон, рассказывала едва слышно:

— Нет, ну ненормальная... Сверхъестественные способности. Супергерои! И правда, будет ведь пытаться спиной поезд почувствовать.

— Слушайте, а она точно успеет? — давась смехом, спросил вдруг Дима.

— Успеет, успеет. Ещё поезда не будет, а она уже сбежит, только и видели, — мстительно отозвался Федя, отшвыривая от себя перепачканную кровью листву. Ему отчаянно хотелось оправдать свою трусость, и он никак не мог дожидаться того момента, когда сам сможет поиздеваться над Машкой.

Глубоко вдохнув, Машка воткнула наушники в маленький и старый телефон, подарок Виктории перед отъездом. В уши громом ударила музыка — Машка, не желая показаться трусихой, включила звук на полную мощность.

И пошла вперёд, сунув руки в карманы.

До следующего поезда оставалось совсем немного.

— Чокнутая, — хохотнул

Федя, глядя, как девочка неуверенно идёт по шпалам. — Как намазалась сегодня, дура, а?

— Да уж, — сказал Димка, присаживаясь на обрубок трухлявого тополя. — Везёт нашему классу на таких.

— А чё вы хотели, — философски изрекла Таня, прижимая ладонь козырьком к глазам. — Они же нищие, и мать алкашка. Откуда там мозгам взяться?

Шаг. Другой. Третий. Машка шла вперёд, пытаясь не ощущать пульсирующую в ушах боль от громкой музыки. Ладони вспотели и задрожали. Воздух странно похолодел, словно бы чувствуя Машкин страх.

Но она шла. Помнила, как смотрели Таня и Димка, когда Федя скатился трусливо с насыпи, сбежал раньше времени. А она, Машка, должна справиться.

Она ведь смелая.

Вдалеке показался поезд — сонный машинист не заметил маленькую фигурку, бредущую по шпалам, склонившую низко голову. Машка шла, сгорбившись, и чувствовала, как вдалеке задрожал воздух, как земля под ногами едва ощутимо завибрировала, как что-то изменилось...

Поезд.

Главное — не бояться. И у неё всё получится.

— Едет, — сказала Таня, привлекая внимание друзей. — Как думаете, через сколько она соскочит?

— Да вот-вот уже, — фыркнул Федя.

— Эх, ребята, чувствую, не

пройдёт она испытание супергероев. И не сможем мы, к сожалению, больше брать её с собой, — с преувеличенной серьёзностью сказал Дима, и все они дружно расхохотались.

Поезд мчался, громыхая колёсами, не сбавляя ход. Одна, вторая, третья шпала — они мелькали перед глазами девочки. Вот тут на древесине расплодилось чёрное масляное пятно, а тут у самых шпал пробился запоздалый зеленоватый росток. Машка вышагивала, пытаясь спиной почувствовать приближение поезда.

Ощутить кожей. Учуять что-то по запаху.

Перед глазами стоял Федька, разочарованный и бледный, и Машка закрыла глаза, настраиваясь.

Сонный машинист наконец-то заметил девчонку на путях — дал гудок, чтобы согнать её со шпал, но Машка брела, ничего не слыша. Ближе, ближе, с каждой секундой ближе.

Машка шла. Поезд выл, предупреждая об опасности.

Споткнувшись, девочка чуть не упала, но выровнялась и пошла дальше. Дрожь, звон, вибрация. Уже близко. Скоро...

— Эй, она глаза закрыла, — встревоженно произнесла Таня, и Димка поднялся со своего бревна. Теперь все они вглядывались в бледное Машкино лицо, едва различимое там, вдалеке.

По вискам у Машки текли капельки пота, руки стали ледяными. Сердце стучало в ушах, перебивая даже громовые раскаты музыки. Девочка изо всех сил пыталась почувствовать.

Вот. Уже сейчас, скоро...

Поезд вновь зашёлся гудком, приближаясь и приближаясь с каждым миготом. Машинист, выматерившись от души, сорвал тормоз, пытаясь сделать хоть что-то. Таня и Димка замахали руками, надеясь, что Машка их увидит, но девочка до сих пор шла с закрытыми глазами.

— Маша! — заорала Таня изо всех сил, бросаясь вперёд, но Димка поймал её за руку, не давая вырваться.

Рёв.

Поезд пронёсся мимо, в лицо ребятам ударил пропитанный полузабытым летним зноем и листвою воздух. Все замерли, словно бы играя в какую-то жуткую игру, — окаменевшие статуи с раскрытыми ртами.

Море волнуется раз. Море волнуется два. Море волнуется три...

Мёртвая фигура, замри.

Только вот застыли почему-то ещё живые.

— Господи, мои наушники... — пробормотала Таня и отвернулась, зажимая руками рот. Её вырвало. Страх, сковавший нутро, прорвался наружу вместе со съеденным недавно обедом.

Поезд, тормозящий изо всех сил, замедлял ход — лязгая и постанывая, он напоминал испуганного старца, который пытался распрямить артритные суставы. Кроме этого жуткого металлического лязга, в воздухе больше ничего не было — рядом зазвенел было последний летний комар, но, не желая отведать застывшей от страха крови, улетел.

— Она же отпрыгнула в ту сторону, да? — жалобно и тихо произнёс Федя, уже не боясь своей трусости. — Она же поднимется сейчас, да?

Димка отпустил Таню и молча полез наверх, на насыпь. Поезд почти затормозил. Таня, едва переставляя ватные ноги, поползла следом за старостой, спортсменом и чьим-то любящим сыном. Федя пошёл за ними, но, испугавшись в последний момент, присел на сваленный тополь.

...В последний миг Машка поняла, что пора — поезд уже пыхтел ей в самую спину, щекотал лопатки тугими струями воздуха. Решившись, девочка наконец-то распахнула глаза, замешкавшись, в какую сторону ей лучше прыгнуть. Улыбнулась, нервная и взвинченная, приготовилась...

Чернота. Поезд пронёсся сквозь неё, погребая детское тело под своим тяжёлым брюхом.

Она не успела совсем чуть-чуть.

ГЛАВА 2

Аяна

Аяна сидела на продавленном диване, покачивая на руках Петьку, и от каждого её резкого движения диван мученически скрипел старыми пружинами. Петька орал — уже не хныкал, не канючил, а орал, вырывался, весь побагровевший от натуги, молотил кулачками старшую сестру.

С самого утра у него болел живот, вздутый воздушным шаром, и Петька справедливо считал, что

вместе с ним должны мучиться и все остальные члены семьи.

Только вот до боли Аяны ему не было никакого дела. Боли душевной, не физической — никаких больших животов, только вот внутри засело что-то занозой, коллет при каждом вздохе...

Аяна, прижимая к себе брата, на самом деле изо всех сил вслушивалась в происходящее на кухне. Они пришли под вечер — хмурые и невозмутимые, серые какие-то, невыразительные. Спросили у Аяны, где её мама, прошли на кухню, не снимая ботинок, подтянули к столу стулья, сели, принялись говорить...

Из кухни тяжело тянуло табачным дымом, а вот звуков было не различить — слишком громко вопил Петька.

Аяна молчала, покачивала брата на руках.

Как только позвонили из полиции, мать потемнела лицом, но в глазах её возник нездоровый блеск. Аяна в это время пыталась прибраться в большой комнате: уносила в мойку грязные тарелки, сгребала мусор и бутылки в шуршащий пакет, рассовывала по углам грязные вещи...

Мама тогда положила телефонную трубку на стол, замолчала, глядя куда-то в сторону. Глаза её остекленели.

— Что? — спросила Аяна негромко. — Что случилось?

— Машка погибла, — хрипло ответила мать и поднялась с места. Подошла к шкафу, выдвинула ящик, вытряхнула оттуда немного денег. Сгорбленная старая женщина.

— Ты куда? — голос Аяны по-чудился глухим и едва слышным, девушка что-то продолжала механически собирать в пакет, но едва понимала, что происходит. Мир вокруг неё, казалось, стал слишком резким.

— В магазин.

— Мам, ну сейчас хоть не пей! Пожалуйста! Не сегодня! — в отчаянии вдруг крикнула Аяна, отшвырнула пакет и расплакалась. Мать смерила её презрительным взглядом, будто Аяна снова стала маленькой и глупой девчонкой, которая ни черта не соображает.

— У меня вообще-то горе, — сказала мать и ушла, хлопнув дверью. Вернулась через час с двумя бутылками водки, села на кухне, зажав во рту сигарету, и потерялась где-то там, в клубах сизого дыма.

Аяна больше не сказала ей ни слова. Она всё катала на языке одну-единственную фразу, выжигала ею себя, словно бы надеялась на большой пожар, который сожжёт всё дотла, чтобы ничего больше не болело.

Машка погибла.

Сейчас, когда вечернее солнце едва-едва пряталось за крыши, заливая всё вокруг розовым светом, на кухне сидели оперативники, разговаривали с мамой. Аяна подошла к окну, бережно придерживая Петьку. Тот, наконец-то разомлевший, уже посапывал, раскинув маленькие пухлые ручки.

Остановившись у подоконника, Аяна выглянула туда, в беззаботный и тёплый сентябрьский вечер, где никто, практически

никто и не знал, что Машка-то погибла. Маруська... Смешливая, пусть немного глуповатая и наивная, Машка всегда выделялась среди всех них, живущих в этой тесной двухкомнатной квартире на первом этаже обыкновенной пятиэтажки.

Аяна всегда ругала Машку больше всех, потому что где-то в глубине души знала, что если из кого-то и выйдет толк, то это будет Машка. Она всегда была самой доброй, самой чистой и самой искренней.

И почему нельзя было сказать ей об этом раньше, до того, как...

К чёрту.

Перехватив братика одной рукой, Аяна сердито вытерла глаза ладонью. Хватит плакать. Что-то разве изменится?

На улице в футбол играли мальчишки — долговязый Санёк, едва узнавший о несчастье, торопливо пригладил бесцветные волосы и, подхватив мячик, умотал на улицу. Сейчас он носился молнией там, среди ребят, визжал злобно, когда чей-то пас улетал в «молоко», дрался за каждое очко...

Аяна в этот момент его почти ненавидела. Ей вот тоже так хотелось — бросить всё, забыть о мёртвой сестрёнке да пойти гулять к Пашке, они три дня уже не виделись. Гулять по осенним светлым улицам, бродить под белыми фонарями, собирать букеты из сухих листьев, целоваться на каждой лавочке...

А она сидит дома, качает крикливого Петьку, вытирает привычным движением слюни Илье. Запертая, словно в клетке. А Санёк

носится там, пинает мяч, счастливый и беззаботный, будто ничего и не случилось.

Уложив Петьку на матрасик, Аяна накрыла брата одеялом, подоткнула, чтобы не протянуло сквозняком из деревянных окон.

— Последи за ним, — тихо буркнула Аяна Лидке, которая тенью сидела в углу за расшатанным письменным столом и что-то рисовала. С едва слышимым шорохом скользили карандаши по бумаге. Лидка молчала, только дрожали её огромные пышные щёки.

— Слышишь? — рыкнула едва слышно Аяна.

— Слышу, — ещё тише отозвалась Лидка, отложила в сторону зелёный карандаш и взяла фиолетовый, схватила его в кулак, словно хотела сломать. — Да что с ним-то будет...

— Присмотри, — повторила Аяна и, отвернувшись, глянула прямо на Илью.

Брат родился слишком рано; Аяна прекрасно помнила, как мама привезла его домой, крошечного, смахивающего на скрюченную ветку, и оставила плакать на диване. С каждым днём своей невесёлой жизни Илья становился всё более и более странным, всё чаще кричал от боли. Детский церебральный паралич, задержки в развитии, умственная отсталость и ещё стопка диагнозов, бумажек с синяками печатей...

Чаще всего Илья лежал, как сломанная и забытая игрушка. Иногда мама принималась хлопотать над ним: меняла изгаженные пелёнки, разминала скрюченные стопы, гладила худые ноги —

сплошь кости, обтянутые кожей... Но потом она забывала о нём, и Илья молча лежал на диване.

Глаза его были беспечны — порой Аяна даже радовалась, что он ничего не чувствует, ничего не соображает. Ему же проще. Но сегодня на Аяну глянули огромные расползающиеся зрачки. Илья выгибался, едва шевелясь, пытался ползать по дивану, а внутри его влажных глаз застыло омертвевшее отчаяние.

Может, что-то он всё-таки понимает?

— Потом, Илюшка, — пробормотала девушка одними губами, приглаживая чуб его длинных каштановых волос. — Не сейчас...

И выскользнула из комнаты, плотно прикрывая за собой ободранную дверь. На миг пальцы задержались на дереве, почти глядя его, а потом Аяна пошла на свет, озаряющий кухню несвежим и искусственным маревом.

— Вы знаете, куда она пошла сегодня после школы? — вкрадчиво и спокойно спрашивал какой-то мужчина.

— Нет, — пьяно отвечала мать, и внутри Аяны поселялось чёрное отвращение от звуков этого искажённого голоса. Язык у матери сильно заплетался.

— Её позвали гулять друзья, — вклинилась девушка, входя на кухню, и все повернулись на её голос. Серые глаза мужчины мигмом обдали Аяну холодом, она обняла себя руками, растирая плечи.

Мама, воспользовавшись заминкой, опрокинула в себя стакан с прозрачной жидкостью и зажмурилась, выгирая губы.

— Вы сестра? — спросил мужчина с синей папкой, что-то постоянно пишущий на листках бумаги.

— Да. Спрашивайте, если надо. Я хочу помочь.

— Как вас зовут?

— Аяна.

— Так. Аяна Савкина... — он принялся торопливо записывать, но Аяна резко остановила его:

— Нет. Я Аяна Мамедова. Это Машка — Савкина... Была.

И, наткнувшись на взгляд исподлобья, пояснила:

— У нас разные отцы. Разные фамилии. У всех почти.

— Понятно. С кем Маша собиралась идти гулять? И куда? Что-то говорила?

Аяна рассказала об их последней встрече с сестрой — о дневнике с кровавой записью, о ярко-розовой курточке, о небольшой ссоре. Упомянула и про утро — как директриса отправила Машку смывать яркую помаду.

— Она была какой-то не такой, как обычно? — спросил мягко следователь, глядя Аяне прямо в глаза. — Сильно расстроилась из-за двойки? Переживала из-за вашей ссоры? Из-за случая с директором?

— Да нет, — пожалала Аяна плечами. — Двойки она всегда получала, про помаду сразу же забыла. Да и ругаю я их часто — мелкие они ещё, глупые... А мамка пьёт, ей некогда.

— Аяна! — рявкнула мать, приподнимаясь, и снова рухнула на стул. — Что ты...

— Помолчи, пожалуйста, — скривившись, попросила дочь.

— Ты вообще понимаешь, с кем...

— Послушайте, — вмешался второй мужчина с суровым лицом и сросшимися на переносице бровями. — У вас сегодня погибла дочь, а вы надрались до скотского состояния. Даже сказать ничего не можете. Сидите уж лучше смирно и слушайте.

— Да как ты?! — задохнулась мать возмущением, ударила кулаком в стол. Зазвенели стаканы и бутылка. — Как ты можешь?! Я одна всех этих детей воспитываю, я... Одна! Мне тяжело, да! Я имею право...

— Завелась, — устало выдохнула Аяна. — Я пойду. Вы только... Скажите, почему Машка... Маша под поезд попала. Известно?

— Да, — медленно отозвался следователь, будто раздумывая, говорить ли что-то девушке. — Её друзья сказали, что Маша говорила о самоубийстве. Не хотела жить. Сама прыгнула под поезд.

— Нет! — рявкнула мать и зашлась ненатуральными пьяными слезами, подперев голову рукой.

— Не может быть, — пробормотала Аяна, слепо глядя перед собой. — Да Машка бы никогда... У нас немного поводов радоваться жизни, сами видите. Но Машка... Она самая весёлая. Больше всех нас жизнь любила. Она бы сама не стала...

— Разберёмся, — пообещал следователь.

Аяна отвернулась и пошла обратно, чуть пошатываясь, словно сомнамбула. Всё вокруг казалось девушке сном — руки ватные, мир

перед глазами плывёт... Остановившись на пороге детской, Аяна поняла с немим отчаянием, что не сможет сейчас открыть эту ободранную дверь, ощутить въевшийся запах мочи, затхлость и одиночество...

Просто не сможет.

Не сможет увидеть осточертевшего Петьку. Беспомощного Илью.

Она постояла в коридоре, прижавшись спиной к засаленным обоям. На кухне гремели мужские голоса, но мать лишь всхлипывала и звякала стаканом. Аяна знала, что наутро мать и не вспомнит о Машке. Всё придётся рассказывать с самого начала.

Не выдержав, девушка схватила ветровку, сунула сигареты в карман и выбежала в подъезд, прикрыв за собой дверь.

Солнце уже скрылось за домами, но сумерки задержались где-то по дороге к ночи. Прохлада цепкими пальцами пробежалась по асфальту, заодно уколола щёки и мигом залезла под тонкую ветровку. Всё-таки осень.

Сломанная лавка у подъезда была завалена пожухлой листвой. Под резными ржавыми ножками валялся пустой пакет из-под сока.

Аяна села на лавку, скрестила длинные ноги и закурила. Щёлкнув, зажигалка на миг тёплым огоньком осветила её бледное лицо.

Мимо прошла соседка, как обычно, и не подумав поздороваться, — степенная дама в красивом плаще, с объёмной сумкой в руках. Аяна проводила соседку пустым взглядом. Из их квартиры

доносились приглушённые голоса, мать рыдала. Высунув лицо в распахнутую форточку, курил оперативник. Увидев Аяну, он погрозил ей пальцем и выбросил бычок на улицу. А потом крепко прикрыл окно, отсекая разговоры.

К лавочке подбежал Санёк, взъерошенный и раскрасневшийся. Короткие шорты и нестираная футболка какой-то футбольной команды (в которых Аяна, конечно, не разбиралась) — Санёк рухнул рядом с совершенно счастливым лицом и протянул сестре руку.

— Чего? — спросила она неодобрительно и затянулась.

— Дай сигарету.

— А ничего тебе больше не дать?

— Жрать ещё хочется. Но сигареты хватит.

— Иди отсюда, — коротко посоветовала Аяна. — Мелкий ещё.

— Дура, — вспылил Санёк, сразу же слетая с лавки, будто она стала раскалённой сковородой. — А ещё сестра называется!

И умчался обратно на футбольное поле гонять свой дурацкий мячик до посинения с такими же безмозглыми пацанами, до которых родителям нет никакого дела. Откинувшись на спинку скамейки, Аяна выдохнула дым прямым в пустое небо — холод лизнул щёки, а в животе противно заурчало.

Небо наливалось сумраком, тени прятались по углам двора. Прохожих становилось меньше, но все бросали на Аяну осуждающие взгляды: надо же, такая молодая восточная красавица, а

сидит, прижимая сигарету к губам так, будто это священный для лёгких кислород.

Сплюнув, Аяна затушила окурок о лавочку и бросила его на асфальт. Надо возвращаться, кормить Петьку, гладить больные ноги Ильи перед сном. Утром будить всех в школу.

Бедная Машка...

Пару лет назад зимой уже было такое — ужасная трагедия, несчастный случай, все соседи сочувствовали и поддерживали... Потирая плечи, Аяна сгорбилась. Она вспоминала.

Его звали Лёшкой, он был беззлобным и непослушным. Постоянно терял то шарф, то варежки, в столовой съедал еду из чужих тарелок, даже если кто-то уже орудовал там ложкой. Лёша шепелявил, но отлично бегал, и поэтому физрук постоянно защищал его перед остальными учителями, отпирал на всякие соревнования.

Зимой Алёшка свалился с горки, оступился, наверное. Рухнул в сугроб, никто и не заметил. Его нашли уже потом, много позже, замёрзшего, совсем окоченевшего.

Мать тогда пила и плакала. Лидка, совсем ещё крошечная, перебирала на полу кубики. Эта картина врезалась в память Аяны на всю жизнь.

Девушка тогда выплакала все глаза — ей дико было от того, что человек, недавно крутившийся под ногами, может так внезапно пропасть. Умереть. Замёрзнуть.

Она всё ждала, когда Алёшка вернётся, чумазый и большеротый, но он больше не пришёл. Первая встреча со смертью была

болезненной, брат возвращался лишь в кошмарах, синий и остекленевший, а Аяна плакала, просыпаясь. Ей трудно было принять чужую смерть.

Но Алёшка как-то удивительно быстро забылся — они никогда не говорили о нём, а все вещи перешли к Саньке и неожиданно стали его обычными вещами. В квартире не осталось ничего, что было бы Лёшкиным. Порой Аяна думала, что его и не существовало, — просто приснился лишний брат, да и всё тут.

Теперь и Машку тоже затянет паутиной, вырежет из памяти временем. Жалко. Машка достойна большего...

Запищал домофон, и из подъезда вышли полицейские. Аяна, незаметно для себя закурившая снова, встретила мужчин молчанием. Выпустила дым из лёгких. Страхнула пепел на асфальт.

— Не маловата ещё для сигарет? — спросил мужчина со сросшимися бровями.

— Не маловата, — отозвалась Аяна спокойно. — Что-нибудь узнали?

— Немного... Вы всегда так живёте, да? Мамка пьёт?

— Пьёт, — согласно кивнула Аяна. — Но нас много. Мы справляемся.

Мужчины присели на сломанную лавку, смели на асфальт листву руками. Сгорбленная Аяна между ними вдруг показалась сущим ребёнком.

— Так нельзя. Понимаешь, что это неправильно? — спросил следователь, заглянул Аяне в глаза. — Мы можем помочь.

— Зачем? — спросила она глухо, снова стряхивая пепел. — В детский дом нас не берут. Мамку опеки не лишают. Заставить её любить нас тоже не могут. Подбрасывают денег, и на том спасибо.

— А соседи?

— А что соседи? Знаете, как они нас называют? Поросль! Как будто мы сорняки какие-то, повывлазили из земли и растём сами по себе. А я не сорняк. Я, между прочим, такой же человек, как и все...

— К вам скоро придут из соцзащиты, — сказал второй, почёсывая свою огромную бровь. — Они помогут. Не закрывайтесь только, говорите с ними. Просите всякие бумажки в школе. Поверь, в детдоме лучше, чем с такой матерью.

— А вы откуда знаете? — усмехнулась Аяна. — Жили там?

Он молчал.

— Вот именно, — произнесла Аяна. — Хорошо учить, когда потом вернёшься домой и забудешь нас, беспризорников. Ничего, зато школа жизни хорошая. Выживем здесь — выживем везде.

— А что делать, если не выживете? — отрывисто спросил следователь. — Как Машка ваша, а?

Теперь замолчала Аяна, покусывая обветренные губы.

К ним подбежал Санёк — друзья его расходились, подгоняемые окриками с балконов и звонками на мобильники. Аяна механически отметила, что брат опять рассёк коленку, а на шортах красно-фиолетовые полоски скоро станут просто чёрными от налипшей грязи. Зажав мяч подмышкой,

Санёк глянул на полицейских и спросил:

— А правда, что Машку поезд переехал?

— Правда, — отозвалась грубо Аяна. — Чё спрашиваешь?! Сам же знаешь.

— Круто, — сказал Санёк, и глаза его потемнели в поздних сумерках. — А кровищи много было?

— Заткнись! — заорала Аяна и, вскочив, отвесила брату сильный подзатыльник. — Иди домой, живо!

— Не пойду! — тут же ощерился он, оскалив зубы, словно волчонок.

— Саша, иди домой, — спокойно попросил следователь, но что-то вдруг в его голосе, в странных низких нотах заставило Саньку выгереть нос ладонью, покрепче обхватить мячик и взбежать по ступенькам. Выстучав код от домофона, мальчик прошмыгнул в подъезд. Грохнула дверь.

— Поговори с соцзащитой, — попросил следователь. — Хуже не будет.

— О, — хмыкнула Аяна. — Будет. Всегда становится только хуже.

И, не прощаясь, пошла домой. На кухне всё ещё горел свет: мама продолжала пить. В подъезде было слышно, как ревет проголодавшийся Петька.

Выдохнув, Аяна вошла в квартиру.

...На кухне было душно — тяжёлый смрад перегара смешивался с чем-то кислым из мусорного ведра, куда отбросы приходилось

запихивать ногами, с трудом утрамбовывая гниль. Аяна поставила на плиту кастрюльку со смесью для Петьки.

Девушка пыталась делать хоть что-то со всем этим бардаком, но и она была не железной. Главное — это малышня, и о них-то Аяна заботилась, хоть и не всегда получалось. Плохо, видимо, заботилась, раз Машка прыгнула под поезд.

Жалко всё-таки Машку.

Смесь в закопчённой кастрюльке никак не закипала.

— Осуждаешь, да? — вдруг совершенно членораздельно спросила мать, лежащая лицом на столе. Аяна думала, что та спит, налкавшись. — Нен... ненавидишь?

— Нет, — холодно отозвалась дочь, не желая разговаривать с пьяной матерью.

— Врёшь, — прошипела та. — Что я... не могу... когда дочка?..

— Мы тоже сестру потеряли. Но никто не пьёт.

— Мелкие ещё, — выдавила мать.

— Нет. Просто думаем головой. А ты давно не соображаешь ничего.

— Я?! Да я вас одна тяну на шее!

— Тянешь?! — вспыхнула Аяна. — Иди! Тяни! Вон Петька орёт, голодный! Покорми сына, что ты сидишь в обнимку с водкой?!

— Дрянь, — коротко вымолвила мать, поднялась со стула и, шатаясь, ушла в свою комнату. По лицу у неё текли слёзы.

Что, проняла всё-таки Машки-на смерть?

Смесь в кастрюльке закипела, пузырясь, потянуло гарью. Аяна, ругаясь, торопливо сняла её с огня, остудила, залила в замызганную бутылочку.

В детской обосновалась ночь — горела лишь лампа со старым грязным абажуром на столе. Лидка, сторбившись, всё ещё рисовала. Санька, раздевшийся до трусов, забился в дальний угол дивана и теперь там беззаботно посапывал. Илья выставил вверх худые локти. Петька, наревевшись, лишь тонко всхлипывал, мокрый от слёз.

— Иди сюда, — Аяна взяла его на руки, прижала к губам бутылочку, и Петька жадно принялся сосать безвкусную смесь.

Лидка встала, выключила последний светлячок на столе. Стянула с себя брюки и бесформенный свитер, оставшись почти голой в безжалостном фонарном свете, что бил в окна, — низенькая и безобразно толстая сестра напоминала перетянутую верёвкой колбасу.

На такую колбасу Аяна всегда смотрела в магазине, прежде чем взять безвкусные бумажные сосиски. Колбаса казалась очень вкусной, а Лидка была просто уродливой.

Натянув через голову бледный саван рубашки, Лидка скользнула на матрас под окном, накрылась простынкой и притихла. Прошло совсем немного, а простынка вдруг задрожала жалобно, раздались тихие всхлипы.

Каждый переживал пропажу Машки по-своему.

Петька, насосавшись смеси,

срыгнул и уснул прямо на руках. Уложив его на матрасик, Аяна без сил упала на скрипучий диван, набросила сверху одеяло, закрыла глаза.

...Спустя час встала осторожно, пытаясь никого не разбудить. Прошлѐпала на кухню. Сон никак не шѐл. Щѐлкнул выключатель, свет больно ударил по глазам. На столе замерла опустошѐнная прозрачная бутылка, в компании с ней стояли два стакана, блюдец с солѐными огурцами и заплесневѐлый хлеб.

Скользнув на стул, Аяна скрестила на груди руки. Девушке до отчаяния хотелось поправить Машкино одеяльце, пригладить осторожно ладонью топорщащиеся светлые волосы. Без Машки было как-то странно — будто исчезла важная часть из её, Аяны, жизни. Выдрали с корнем, оставили зияющую пустоту.

И теперь эта пустота отравляла всё вокруг.

В углу сложили вещи — Аяна встала со стула, а затем села прямо так, в одной ночнушке, на грязный и липкий пол, поджала под себя ноги. От холода по коже пробежали мурашки, но Аяна даже не почувствовала этого — полицейские принесли джинсы и свитер, заляпанные кровью. А ещё кулончик — маленький и позеленевший, облезлая птичка на ветке. Страшный до жути — пучеглазая и дешѐвая птица без крыла, почерневшая щѐпочка.

Машка всегда носила эту птичку, не снимая. Как-то мама, то ли расчувствовавшись, то ли желая

потратить сдачу с бутылок, купила Машке этот кулон. Для девочки копеечная безделушка стала самым счастливым подарком.

Аяна долго сидела, сжавшись в комок, держа кулон в руке. Потом, разозлившись неведомо на что, швырнула его в мусорное ведро и расплакалась, зажимая рот рукой...

Сколько она проплакала, сидя на холодном полу на кухне, она и не знала. Храпела за стенкой мама, в детской было тихо. Притащив на кухню забытый в коридоре маленький ранец, Аяна принялась вытаскивать из него вещи, перекладывая в одну стопку учебники, в другую — всякие безделушки. Зеркальце от пудреницы, моток ниток, скрепки, жѐлуди, обѐртки от карамели, пѐрышки... Тетради Аяна сразу выбросила в мусорное ведро.

В руках остался лишь дневник — розовый, с игривыми котятками на обложке. Аяна распахнула его, пролистнула наугад — пустой. Весь пустой. Учебный год только начался, сентябрь на дворе, и, кроме записей о плохой успеваемости и безобразном поведении, там ничего не было. Белые странички без единой буквы.

Нерастраченная жизнь.

Дневник тоже улетел в мусорное ведро. Набросив ветровку на ночную рубашку и натянув брюки, Аяна подхватила его и пошла на улицу. Спать всё равно не хотелось.

Уже в подъезде она нащупала что-то странное в кармане брюк — какой-то твѐрдый и продолговатый предмет. Поставив ведро

на ступеньки, Аяна вытащила вещичку, всмотрелась в неё. Тусклый свет закопчённой лампочки в подъезде проигрывал ночному мраку по всем фронтам.

Но и этого света было достаточно. Аяна сжала вещичку в руке, крепко сжала, до хруста костяшек. Зажмурилась, привалилась к стенке, чувствуя, что ноги почти не держат.

Помада. Багровая помада, которую Машка утащила у старшей сестры, а потом густо намазала ею губы. Перед глазами возникло Машкино лицо — бледное и пучеглазое, где выделялись ярким пятном распухшие губы.

Аяна вспомнила испуганные глаза сестрёнки, когда та оправдывалась из-за сворованной помады. Аяна вспомнила и злость, и ненависть, и грубые слова. «Воровка!»

Аяна вспомнила всё. И это было невыносимо.

Не понимая, что делает, девушка открыла помаду, посмотрела на кривой слом, поблёскивающий в тусклом свете. Машка, наверное, до смерти боялась того мига, когда Аяна обнаружит испорченную помаду. Боялась злости, криков, болезненных пощёчин.

Только вот злости в Аяне больше ни на грамм не было. Проведя багровой краской по губам, девушка бросила помаду в мусорное ведро — хорошая была помада, да и обломком ещё можно было бы красить губы... Только вот теперь помада всегда будет напоминать о сестрёнке, которая сегодня (или вчера уже?) так глупо погибла.

Прыгнула ли Машка под поезд из-за этой несчастной помады?

Аяна надеялась, что нет. Не прыгнула.

Во мраке подъезда криво накрашенные губы казались чёрными. Нагнувшись вдруг к ведру, девушка воровато вытащила из него уродливый кулон с птичкой и сунула к себе в карман.

— Машка... — прошептала в ночную тишину Аяна, чувствуя, как всё дрожит внутри. — Что же ты, Машка...

Подъезд не ответил.
Тишина.

ГЛАВА 3

Санёк

За окном бушевала вьюга — колкий снег россыпями бил в стёкла, студёный ветер задувал в каждую щель растрескавшихся деревянных рам. Будильник, противно бьющий по мозгам, никак не затыкался.

— Янка! Выруби! — гаркнул Санёк, пытаясь хоть куда-нибудь спрятаться от мерзкого звука. Будильник продолжать пищать.

Рыдал Петька — и откуда только в таком крошечном тельце есть силы орать без перерыва?! Кряхтел рядом Илья, дёргался, ударяя светлыми пятками по ногам Саньки.

— ЯНА! — заорал взъерошенный и заспанный Санёк, садясь на диване.

Аяна, одетая в толстый замызганный свитер прямо поверх ночной рубашки, вошла в комнату.

Бледная и худая, с пылающими глазами, она походила на растрёпанную ведьму.

— Чего орёшь? — спросила Аяна неласково, подняла крикливого Петьку и заткнула ему рот соской на детской бутылочке. Петька сразу же принялся жадно есть. — Сам бы встал и выключил. Я еду греть пошла.

— Могла бы и будильник с собой взять, — огрызнулся Санёк, сползая с дивана.

— Ничего больше не сделать вам?! — вспыхнула Аяна. — Я и так тут как нянька, домработница и надзирательница — три в одном! Хоть один бы из вас что-то сделал: Петьку покачал или Ильё памперсы поменял! Только орёте, достали уже!

— Не вопи, — фыркнул Санёк, напяливая на себя грязные джинсы с дырами на коленях.

— Да пошёл ты! — крикнула Аяна и перехватила Петьку покрепче. — Уроды вы, а не родственники!

Лидка, по обыкновению молчаливая, собирала в рюкзак свои тетрадки. Последние учебные дни перед Новым годом были спокойными: в школе царил радостный суматоха, повсюду висели дохлыми гусеницами пушистые гирлянды, в фойе стояла наряженная ёлка, и даже учителя были расслабленными и весёлыми. Только вот ходить в школу всё равно надо было, а ведь так хотелось поспать...

— Заплести тебя сегодня? — спросила Аяна у Лидки, отвернувшись от невыносимого Санька. Петька, почти доевший свою

кашу, с чавкающим звуком теперь высасывал воздух из бутылочки.

Лидка, уже одетая и всё ещё лохматая, лишь скользнула взглядом по Аяне:

— Нет. Не надо.

— Как хочешь, — Аяна набросила на плечо полотенце, прижала к себе Петьку, погладила его по спинке. Снова глянула на Санька: — Хоть сегодня дойди до школы. Я говорила с Грымзой. Если ты опять не появишься, тебя вышибут.

— Не имеют права, — выпятив нижнюю губу, беззаботно отозвался Санёк. Он искал какую-нибудь футболку в наваленной горе несвежих детских вещей.

— Всё они имеют. Опять будешь не аттестован — останешься на второй год. В седьмом классе, как дебил какой-нибудь. Тебе это надо?

— Отвали.

— Хоть раз послушай, — процедила Аяна. — У психиатра на учёте, в полиции на учёте... Ещё и второгодником будешь, да?

— Захочу и буду. Моя жизнь. Ты мне не мать.

Аяна вспыхнула. Уложив икающего Петьку на матрасик, она скомкала в ладонях перепачканное полотенце и поднялась, не зная, что сказать. Да, она не мать им. И Виктория им матерью не была, но её они порой слушали — старшая сестра всегда умела найти подход к каждому, а нотации Аяны все пропускали мимо ушей.

В комнату заглянула мать; её распухшее и бледное лицо, напоминающее блин луны, на котором в

складках кожи утопали заплывшие глаза, было совсем незнакомым.

— Чё горланите? В школу что, не надо?

— Надо, — тихо сказала Лидка и прошмыгнула к матери, как бродячая кошка, лапясь под руку.

Мама была трезвой — вокруг неё стоял удушающий запах перегара, но глаза оставались ясными. Обняв дочку одной рукой, другой мама взьерошила Лидкины волосы. Девочка прижалась крепко-крепко, зажмурилась, запоминая этот момент.

Аяна, успевшая переодеться в платье, расчёсывала волосы. Они всегда были гордостью девушки — тяжёлые, густые и блестящие... Расчёска застревала зубчиками в спутавшихся за ночь прядях, и Аяна фыркала, пытаясь выдрать волоски.

— Саш, всё нормально? — спросила мать, которую до сих пор обнимала Лидка.

— Всё просто прекрасно, — буркнул Санёк, просочился мимо них, накинул куртку и выскочил из квартиры, хлопнув дверью.

— Чего это с ним? — глуповато спросила мама.

— Переходный возраст, — отозвалась Аяна, ещё раз проходясь пудрой по воспалённому, с прыщиками, лицу. — Буянит. Его обещают из школы выгнать, мам. Сходила бы ты.

— Схожу, — простодушно кивнула мать и клоуна Лидку в макушку. Лидка расцвела, улыбнулась.

— Поменяй Петьке памперсы, я опаздываю. Тамара Васильевна скоро придёт, — Аяна торопливо

закинула косметичку в сумку, пригладила волосы, а потом, чуть замешкавшись, неловко обняла Лидку с мамой.

— Поменяю, конечно, — фыркнула мама. — Я же мать всё-таки. Где там мой Илюша?

На пороге Аяна обернулась, наматывая на шею толстый вязанный шарф. Мать, склонившаяся над Ильёй, ворковала тихонько, гладила его щёки, а Илья улыбался во весь рот, дрыгал ногами и тянул худые руки к матери, цеплялся за неё пальцами, словно утопающий.

Они нечасто могли поболтать с трезвой матерью, это всегда становилось настоящим праздником. Куда уж там какому-то Новому году?

Лидка оставалась в детской — мялась смущённо возле матери, словно надеялась подобрать ещё хоть крупинку её ласки, редкой, но желанной до боли. Аяна не стала окликать сестру — обулась и выскользнула из квартиры, прикрыв за собой дверь.

В подъезде было тепло — теплее, чем в их квартире, и Аяна постояла, согревая озябшие ладони. В полумраке первого этажа стоял дивный аромат: кто-то варил фаршированные перцы, немного томатной пасты, говядина с рисом... Заурчал недовольно желудок, и девушка надавила на живот кулаком, зажмурилась, прогоняя мираж.

Улица встретила её вьюгой.

Пашка сидел на сломанной лавке, вычерчивал в снегу иероглифы сломанной берёзовой веткой. Толстую шапку он надвинул на самые глаза.

— Привет, — окликнула его Аяна.

— Привет, — отозвался он и улыбнулся, глянув на Аяну так, словно она была сокровищем.

...Сашка шёл в школу — он не появлялся там уже несколько недель, да и теперь не горел желанием идти. Но Аяна ведь убьёт — сегодня Грымза опять нажалуется, а сестра примется лупить его, и по телу цепочкой побегут синяки, чёрно-жёлтые...

И зачем мамка вообще нарожала столько детей?!

Инвалиды, малолетки, чокнутые сёстры... Санёк ненавидел их всех, дрался до крови, шипел, обнажая зубы, сбегал, стоило только появиться хоть малейшей возможности. Летом жил в полуразрушенном домике в заброшенном саду — по ночам они там с друзьями жгли костры и жарили накопанную неподалёку картошку, воровали сладкие яблоки и купались в холодной реке.

Летом было хорошо. Но сейчас стоял студёный декабрь, и ночевать приходилось дома. Санёк приходил позже всех и сразу же заваливался спать: поесть всё равно было нечего, крикливый Петька выедал мозг, а это бревно, Илья, и вообще лежал бесполезным куском мяса...

Дома плохо. Повсюду пахнет гнилью, стены изгвазданы непонятно чем, кухня заросла мусором. Вечно шастают мамкины ухажёры, которые пристают к Аяне, а она запирается в детской и плачет, мешает ему спать.

Мамка пьёт. Сколько Санёк себя помнит, столько она и пьёт —

и когда он родился, и когда был маленьким, и когда вырос уже. Пьяная мамка была ему отвратительна. До дрожи, до ненависти, до скрипа зубов.

Санёк навсегда запомнил ту ночь, когда он почти решился... Жаркое лето, мальчику не спится — на диване, съживившись, дремлет Аяна, положив ладонь на лоб Илье. Петьки тогда ещё не было.

Санёк поднялся, ушёл на кухню, хлебнул из мамкиной открытой бутылки — едкое пойло обожгло нутро, и Сашка закашлялся, отшатнулся, зажимая рот ладонью. На глазах выступили слёзы: то ли от водки, то ли от ненависти.

Мамка пила весь вечер — к ней зашла подруга, потом ещё одна, затем нагрянула целая толпа мужиков... До поздней ночи они орала, били бутылки, кто-то даже подрался. Санёк сидел за учебниками под бдительным надзором старшей сестры, шмыгал носом, когда вредные примеры никак не хотели решаться, рвал ручкой бумагу, швырялся книгами. Прислушивался к гостиной — крики, хохот, звон стаканов. Стоны.

Незванные гости ушли далеко за полночь, мамка давно уснула. Санёк не понимал, почему она пьёт. Почему она такая?

Злость кипела, выжигала внутри дыры. Не зная, что делать, от отчаяния Санька схватился за нож — тот валялся в раковине, грязный, остро пахнувший луком. Сашка стиснул нож в руке.

Он её убьёт. Пускай их отдадут в детдом, пускай заберут куда-нибудь, даже посадят, только

бы никого из сестёр и братьев не видеть, только б не слышать пьяного бормотания матери, только бы каждый день в школе Саньке не напоминали, что он сын алкашки...

Нож дрожал в руке.

Шаги. Вспыхнул свет.

— Сыночка, ты чего тут?

Она была ещё пьяной, шаталась и жмурилась, улыбалась криво. Мерзкая. Нож в руке стал ледяным, заколол пальцы.

Сашка отвернулся.

Она подошла сзади, обняла за плечи, поцеловала куда-то в макушку. У мамы были тёплые руки. Эти руки гладили и ласкали. Любили. Сашка всхлипнул, хватаясь за них, скривился.

Осторожно, чтобы она не заметила, положил нож обратно в мойку.

...Сейчас, пробираясь сквозь сугробы, Санёк отчаянно не хотел вспоминать эту ночь — злость, отчаяние, безнадёгу. Материнская скупая и редкая нежность. Его слабость. Кроссовки вязли в снегу, пальцы сводило от холода, но Сашка был к этому привычным.

Ему всё равно нужно гулять до ночи. Ничего, потерпит.

Интересно, получится сегодня в столовой стащить тарелку у кого-нибудь и поесть горячей каши? Было бы круто.

— Санёк! — прогремел неподалеку радостный возглас, и Сашка обернулся.

Игорь бежал по сугробам, размахивая шапкой, которую стянул с лысой головы.

— Здорово, брат! Чё, в школу собрался?

— Да надо бы зайти, — лениво отозвался Санёк. — Достали.

— Эх, везёт тебе, — фыркнул Игорь, засовывая шапку в карман. Рыжие фонари ничуть не разбавляли утреннюю тьму, мороз щипал щёки, но друзья стояли, весело глядя друг на друга. — Меня мать запилила уже. Сказала, что если я хоть одну пару в четверти притащу, она меня отдаст в какой-то интернат. Да и отец убьёт. А тебе хорошо...

— Зашибись просто, — отозвался Санёк и насупился. — Пошли. А то реально сдадут тебя в тюрюгу, как дебила. Один буду прогуливать.

— Не в тюрьму, а в интернат, — поправил Игорь и ткнул друга в плечо. — Придурок.

Медленно кружились сероватые, словно пух, снежинки, облетали с горящих фонарей, Санёк щурился, оглаживал топорщащиеся волосы, словно пытался растереть озябшую голову. Мальчишки шли, продираясь сквозь нанесённые за ночь снежные барханы, и болтали.

Болтали о какой-то чепухе, о жизни, о школе. Игорь рассказал, что историчка окончательно ушла — сначала она пропала в бесконечном отпуске, потом была на больничном, а теперь и вовсе уволилась. После того случая с Машкой она стала молчаливой, часто сидела и пусто глядела в окно, молчала, пока класс перешёптывался и хихикал над ненормальной.

— Туда ей и дорога, — сказал Санёк, ничуть не расстроившись.

Его вообще мало что расстраивало. Выяснилось, что Катька

из девятого класса залетела, и теперь над ней ржут всей школой. У первоклассника пару дней назад в столовой носом пошла кровь, и всё вокруг было перемазано багровой жижей...

— Прикинь — тарелки, стены, пол! Всё в кровище! Он упал и плачет, его директриса поднимает, а он барахтается и размазывает всё вокруг! Жесть! Как в фильмах ужасов!

— Может, надо всё-таки заходить иногда в школу? — с ухмылкой спросил Санёк, и они расхохотались довольно.

В школе у поста охранников стояла директриса — кутаясь в коричневую шаль, она приветствовала учеников, болтала с учителями, ругалась о чём-то с поварами, которые прибежали к ней, трясли бумажками... Сашка стянул куртку в раздевалке и затаился там, словно дикий зверь в засаде, выглядывал через частокол вешалок. Ждал, когда директрису отвлекут, — ему нужно было незаметно пробежать наверх, в кабинет, чтобы не нарваться на очередные нравоучения.

Там, в логове из чужих пуховиков и курток, Санёк чувствовал себя на удивление спокойно — тихо, тепло, полумрак. Лечь, что ли, поспать прямо тут, в уголке?

В раздевалку зашла одноклассница Лада, симпатичная и надменная хорошистка с крупной родинкой на щеке. Санек обожал глаза Лады — огромные и медовые, светло-карие, наполненные лёгкой дымкой.

Столкнувшись с ним взглядом, Лада удивлённо приоткрыла

рот. Глаза её вспыхнули каким-то странным огоньком.

— Да ладно, — насмешливо протянула она, вешая свою яркую куртку на крючок. — Какие люди. Ты заблудился?

— Очень смешно, — буркнул Санёк, отводя глаза, хоть ему и хотелось смотреть прямо на неё, на этот ехидный блеск медовых глаз. — Отвлеки директрису лучше.

— Ещё чего, — отозвалась Лада и выпорхнула из раздевалки.

— Ну и пошла ты, — злобно прошипел ей в спину Санёк. Игорь (а ещё друг называется!) тоже умчался в класс, не подумав даже, чем грозит его приятелю встреча с директрисой.

Та замерла истуканом на посту, вглядываясь в каждого ученика, как рентген, — при встрече с ней все, даже отличники, втягивали голову в плечи, опускали глаза и ускоряли шаг. Дождавшись, когда директриса примется за очередные бумажки, принесённые завучем, Санёк пулей вылетел из укрытия и со всех ног бросился к лестнице, надеясь, что сможет проскочить.

Его остановили рывком — одним-единственным, резким и сильным. Пальцы с кроваво-красными ногтями схватились за воротник футболки. Крепко схватились, аж ткань натянулась и затрещала.

Санёк замер — всё-таки нарвался. Оборачиваясь, он прекрасно знал, что увидит усталое лицо с тонкими нитками бровей, желтоватые зубы в капкане из тёмных губ — и глаза. Те глаза, в которых застыла его собственная, Саньки, смерть.

Он как-то сразу уменьшился в размерах, сгорбился, словно бедная сирота, отвёл в сторону прозрачные глаза, мигом наполнившиеся слезами. Рука директрисы всё ещё держала его, словно нашкодившего котёнка, пока женщина торопливо ставила росчерки в документах.

Санёк принялся шмыгать носом. Проходящие мимо младшеклассники толкали друг друга, шептались противно, хихикали.

— Ну что, Александр Косяков, решил явиться?

— Ну, я пришёл же... — заныл едва слышно Санёк, пытаясь вырваться, но директриса держала крепко.

— Пришёл, пришёл. Идём, побеседуем.

В кабинете было очень холодно — светлые стены, белый свет с потолка, огромный колочий кактус в кадке. Поставив Сашку напротив стола, директриса устроила ему фирменный допрос. О чём он думает? Хочет остаться на второй год или сразу вылететь вон? Или тюрьма будет ему лучшим домом? Почему она, директриса, вынуждена постоянно встречаться с ним в полиции, а в школе этого балбеса не дождёшься? Понятно, что мать пьёт, семья многодетная, но он-то сам, Александр, о чём думает?

И, самое главное, чем?

Отвечая односложно, Санёк чертил кроссовкой кривые узоры на директорском ковре. Прежняя классуха всегда предлагала им «сходить и посчитать розы на ковре у директора», когда они

совершали очередную глупость, били кого-то или рвали учебники.

Роз было семнадцать.

Лицо мальчишки вытянулось, налилось мертвенной бледностью, сгорбленный Сашка сейчас олицетворял собою типичного ребёнка пьющей матери. Ребёнка, у которого никогда не было отца. Который одевался в футболки, не стиранные месяцами, руки которого почернели от грязи, а под ногтями скопились серо-сизые ободки. Санёк шмыгал носом, голос его дрожал.

— Я всё понимаю, — произнесла директриса сурово, сняв очки. — В жизни всегда будет тяжело, я тебя уверяю. Но ты должен — слышишь? — должен получить хоть какое-то образование, хоть какой-то документ. Иначе у тебя не будет работы. Как ты будешь жить?

— Я не знаю, — шепнул Санёк и вытер глаза грязной рукой. Маленький испуганный мальчишка.

— Я могу помочь, — сказала директриса. — Только дай мне это сделать.

Санёк молчал.

Вышел он из кабинета после звонка на первый урок — школа уже погрузилась в утреннюю сонную тишину, в учительской кто-то торопливо стучал пальцами по клавиатуре, секретарь перебирала папки. Санёк прошмыгнул мимо, прижался лопатками к двери и, криво ухмыляясь, вытер влажные щёки.

Играть в бедного и обиженного жизнью мальчонку он научился давным-давно. Работало

даже с директрисой, этой дурой, которая постоянно вытаскивала его из полиции, из больниц, с передержки, — даже она не могла сдержаться, когда он стоял, бело-брысый и потерянный, и плакал.

Они ничего о нём не знают. Никогда не поймут. И помочь ничем не могут.

У детской рекреации ждал Игорь — щёки у него побагровели, пошли пятнами. Он вздрогнул, когда хлопнула дверь, и улыбнулся неуверенно, заметив хищное Санькино лицо.

— Ну, чё она? — спросил друг.

— Знаешь, чего мне сейчас хочется? — недобро спросил Санёк, сжимая и разжимая кулаки. — Поиграть в телефон.

— У меня нет, — развёл руками Игорь. — Мать забрала, коза. Сказала, пока не исправлю матику, она не отдаст.

— Тогда давай поищем сами, — со злобной ухмылкой сказал Санёк.

На лестнице рядом с ними раздалась торопливые шаги — это бежал первоклассник, опаздывающий на урок. Маленький и худой, с большими тёмными глазами, он замер, словно олень на дороге, озарённый фарами стремительно приближающегося автомобиля — взглядами старшеклассников.

Санёк снова ухмыльнулся и сделал шаг вперёд.

...Первоклассник врезался спиной в стену и пискнул испуганно, но Санёк мигом зажал ему рот рукой. Они стояли у перехода в школьный бассейн, где раньше на физкультуре ученики

обречённо взмахивали руками и лупили по воде ногами, а потом принимались брызгаться и топить друг друга под громовой рёв физрука.

Сейчас здесь было пустынно и тихо: бассейн давно закрыли из-за неполадок с водой. В полумраке, сочащемся из окон, замерли два семиклассника, держащие тщедушного мальчишку. Первоклашка, которого схватили за лацканы чёрного пиджачка, молотил в воздухе ногами, но молчал и только пучил глаза, в ужасе глядя на Санька.

— Тихо, — почти ласково произнёс тот. — Убью, если заорёшь. Понял?

Первоклассник заверещал прямо в ладонь и принялся вырываться в три раза сильнее.

— Вот тупой, а, — с садистским удовольствием произнёс Игорь и изо всех сил ударил мальчика под дых.

Тот скрючился от боли, и в тот же миг Санёк его отпустил — шагнул назад, разжимая ладони, а первоклассник мешком рухнул на пол, кашляя и задыхаясь. Дрожая, он поднял глаза на друзей — Игорь прижал палец к губам и покачал головой.

— Что вам надо? — едва слышно спросил первоклашка.

— Телефон. И всё, — ответил Санёк.

— У меня...

— Заткнись и не ври, — Сашка присел рядом на корточки, подцепил пальцами подбородок, посмотрел прямо в лицо. — Тебе больно, что ль, сделать?

— Очень больно, — довольно всхрюкнул Игорь.

Скривившись, первоклашка зарыдал, достал из красивого новенького ранца небольшой мобильник. Санёк выхватил его, повертел в руках, примеряясь. Разблокировал, пролистал список игр и довольно улыбнулся.

— Вот так. И не страшно, да? — спросил Игорь, похлопывая мальчишку по плечу. — Только брякни кому-нибудь. Убьём.

Первоклассник испуганно закивал, делая маленький шагок к выходу. Его испуганные глаза повлажнели, губы дрожали, мальчик весь сжался от страха. Санёк, сунув телефон в карман, присел рядом:

— Понял? Попробуй, пискни. И мы тогда...?

Первоклассник молчал, глядя в льдистые глаза, резавшие его на куски.

— Не слышу, — прорычал шёпотом Санёк.

— И вы меня... убьёте... — заикаясь, сказал мальчишка. Он уже пошатывался, грозя вот-вот рухнуть в обморок от страха.

Санёк снова улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

— Молоток. Вали теперь.

Кивнув, первоклассник пошёл обратно — медленно, осторожно, словно боялся упасть. Санёк разблокировал телефон и нажал на иконку первой игры.

— Как думаешь, расскажет? — задумчиво спросил Игорь.

— Уверен, — буркнул Санёк, уже принявшийся собирать арбузы и виноград, расстреливать фруктовых чудовищ.

— Слушай, давай хоть на матику сходим, — жалобно попросил Игорь. — Правда же, мамка убьёт, а отец закопает...

— Слабак, — фыркнул Сашка.

Но на математику они всё-таки пошли.

Сбежали после четвёртого урока — забрали куртки из раздевалки, прошли мимо молчаливой женщины на вахте, котораяглянула на ребят с осуждением. Едва оказавшись на крыльце, Санёк закурил — украл несколько сигарет из пачки у Аяны, а спички стащил у матери. Сигарета дрожала в его худых пальцах, мгновенно побелевших от стужи.

Пока Санёк прогуливал, отираясь по улицам, в школе ввели бесплатные завтраки — теперь всем, чьим родителям было плевать на питание детей, полагалась какая-то там дотация в двенадцать рублей. На эти деньги накрывали пустые столы, где на каждой тарелке засыхала ложка холодной каши, а рядом детей дожидался несладкий чай.

На завтрак пришли и Аяна, и Лидка, и некоторые Сашкины одноклассники. Санёк, не веря ещё своему счастью, торопливо съел всю порцию, чтобы никто не успел отобрать, — вдруг ошибка какая-нибудь? Его никогда просто так не кормили.

Запил чаем, обжигаясь, съел кусок белого хлеба. Игорь, сидящий рядом, тарелку с пшённой брезгливо отодвинул — Сашка съел и её, сноровисто орудуя ложкой.

Злобная классная руководительница Грымза, старая, с

растрёпанным пучком седых волос, ходила между столами, поддвигала чай к ребятам, раздавала ложки. Саньку уже пришлось выслушать нудную и долгую лекцию от учительницы (да, от директора влетело куда круче), а поэтому он не обращал на Грымзу никакого внимания.

Она замерла над ним, словно грозовая туча, заслонившая солнце. Санёк, грызущий очередной кусок хлеба, глянул исподлобья.

Стукнули о стол сразу три тарелки с кашей, на каждой лежало по ломтю хлеба — Грымза поставила еду перед Сашкой, отошла и снова вернулась с чаем. Придвинула поближе.

— Ешь, — сказала грубовато, отвела глаза.

Санек накинулся на еду.

Когда с кашей было покончено, а столовая почти опустела, мимо прошла Аяна — строгая и статная, она отбивала гулкую чечётку каблуками, скользила равнодушным взглядом по незнакомым лицам. Лицо её снова было расчёсано до крови, и багровые прыщики были Сашке омерзительны.

Остановившись рядом с братом, Аяна сунула ему что-то в руки и, ни слова не говоря, пошла дальше. Санёк присмотрелся — в руках лежало пирожное, обычная корзинка с бледной варёной сгущёнкой. Видимо, Аяна наскребла где-то немного мелочи и купила ему сладкого.

Обернувшись, Санёк хотел окликнуть сестру, но её уже и след простыл. Развернув целлофановую обёртку, Сашка проглотил пирожное целиком.

Когда они с Игорем сбежали — ну, как сбежали, просто спустились по лестнице и спокойно вышли на улицу — холод стиснул им грудь обручем, вырвался изо рта паром, напополам смешанным с табачным дымом. Солнце, высокое и бледное, совсем не грело, ясное небо будто промёрзло изнутри.

— Куда пойдём? — спросил Игорь, натягивая шапку.

— Гулять, — отозвался Санёк и прыгнул с крыльца.

Сияющие сугробы вызывали в Саньке неведомую злость — он пинал их, расшвыривая снег по сторонам, скалился с ненавистью. Блестит, искрит... Да чёрт бы с ним со всем! Даже глаза открыть невозможно, сразу всё слезится, да и веки опухают от яркого света. Тошно.

Ребята повалились в сугробах, обстреляли снежками незнакомую старушку с тяжёлыми сумками, и она едва не упала прямо на дорогу. Гогоча, друзья бросились разгонять снующих серых голубей. Грелись в подъездах, где не было домофонов. Курили одну сигарету на двоих, затягиваясь во всю мощь. День прошёл весело и быстро.

Проходя мимо родного двора, Санёк увидел мамку — она бродила по улице с коляской, красная от мороза, дула на озябшие руки. Кажется, даже не пьяная. Конечно, мать не всегда бывала пьяной, иногда она болела и лежала, отвернувшись к стене, часто пропадала из дома, порой ходила трезвой и хмурой, орала на них, била, заставляла убираться. Но это было делом редким.

Из коляски не торчали худые ноги — значит, мать проветривает Петьку. Повезло мелкому.

Отвернувшись, Санёк побрёл прочь.

Потом вернулся в злобе, волоча за собой Игоря. Выстучал код на домофоне заледеневшими пальцами, оттянул тяжёлую мёрзлую дверь, сунулся во влажное тепло подъезда. Страхивая налипшие комья с ботинок, он вдохнул полной грудью — пирожки. Господи, пирожки... Хрустящие, пышные, с сочными грибами и мягкой картошкой, с рассыпчатым фаршем, с лучком и яйцом, с ливером, с тушёной капустой... Санёк едва не застонал от наслаждения, зажмурился, катая запах на языке, надеясь наестся им одним.

Мама редко готовила пирожки — когда Сашка был ещё маленьким и лопухим, с торчащими в разные стороны светлыми волосами, мать иногда раскатывала серое тесто, добавляла скудную начинку, заворачивала конвертиками и жарила их на сковороде, плюющей раскалённым маслом. Санёк крутился под ногами, таскал горячие пирожки с длинного блюда и кусал их за бока, обжигая губы.

Потом мать спилась окончательно, и о пирожках в их доме забыли. Сашка воровал иногда выпечку из кулинарии, но как-то раз его поймали и избили так, что потом ещё долго ныли ребра, а дышалось и вовсе через боль.

Больше он в эту кулинарию не совался. Правило первое — поймали, значит, дорога в этот магазин закрыта.

Аромат пирожков вился во круг, закручивался клубами вкуснейшего запаха, дразнил. На секунду Сашка пожалел, что он не тот самый первоклассник, — позвонил бы сейчас в дверь, плача и шмыгая носом, маленький голодный мальчишка, рассказал бы, что сирота, и попросил один пирожок, один-единственный...

— Чё стоим? — с непониманием спросил Игорь, оглядываясь по сторонам; на первом этаже было темно, под лестницей стусился мрак. Санёк вздрогнул, выныривая из своих мечтаний о домашних пирожках.

— Ничё. Пошли. Покажу...

Они взбежали на пролёт, туда, где в углу толпились почтовые ящики, покосившиеся и обгоревшие. Давным-давно их поджжёг не кто иной, как Санёк, — напихал поглубже газет, подпалил их зажигалкой с трёх сторон. Дым из окна подъезда валил чёрный и густой. Все соседи выбежали в панике, вынося детей и паспорта. Люди с вытянувшимися лицами стояли на улице в халатах и трико, ждали приезда пожарных. В это время Санёк сидел у футбольных ворот и со смеху покатывался от того, сколько шуму ему удалось произвести.

Прошмыгнув к ящикам, Сашка выудил из кармана несколько загнутых проволочек, перебрал их в руках, прислушиваясь, чтобы никто в это время не вышел в подъезд. Склонившись над нужной дверцей, он поковырялся отмычкой в замке, и тот миготом открылся с мягким щелчком. Санёк сунул руку в почтовый ящик, на

котором едва-едва можно было разглядеть криво начерченное мелом число 11, и выудил оттуда тяжёлую алюминиевую банку, которая сразу же вспыхнула в лучах солнечного света, падающих из узкого окна под самым потолком.

— Пивчанский, — удивлённо присвистнул Игорь. — Откуда?!

— Сокровище, — отозвался Санёк, держа пивную банку так, будто она была самой ценной вещью в его жизни. В глазах блеснуло от покатых серебристых боков.

Игорь жадно потянулся к пиву.

— Ты серьёзно её в ящике у соседей хранил? Дебил.

— Пошёл ты! Они уже лет пять здесь не живут — свалили на север, а квартира пустая. Я всё хочу вскрыть её попробовать, но никак... А вот ящик — только мой.

Из почтового ящика торчал ворох неоплаченных квитанций, реклама и газеты. Санёк испытал острое желание снова поджечь всё это добро, но повторяться (если это не касалось еды из магазинов, конечно) он не любил.

— Пошли, что ль, наслаждаться.

Банку Санёк стащил давно — у матери была очередная вечеринка, если её только можно было так назвать: люди разной степени непомытости толпились в их квартире, пили до потери сознания, дрались и били стёкла, оставляя после себя форменный бардак. Сашка крутился у них под ногами — порой сидел в углу за шкафом, наблюдая за попойкой, порой стащивал со стола кусок еды, порой

танцевал вместе с какой-нибудь молоденькой пропитой подружкой, когда гасили свет.

В один из дней, прихватывая со стола горсть сухариков, он вцепился в банку пива — их стояла там целая шеренга, а поэтому мальчик и понадеялся, что пропажи никто не заметит. Спрятав банку под диван в детской, Сашка вернулся обратно, а потом, осмелев, схватил чей-то стакан и отхлебнул.

Напиток был тёмным и горьким, но после него пришло странное тепло и чувство лёгкости — Санёк задремал в своём углу, не услышав даже, как в тот вечер один из гостей сломал другому нос, а матери поставил огромный фингал под глазом, и она ещё долго ходила с синяком. Из фиолетового тот налился желтизной, и Лидка шутила мрачно, что это напоминает листопад: зелёные листья становятся канареечно-жёлтыми, а потом опадают и чернеют.

Из подъезда в холодный зимний полдень друзья выскользнули незаметно — с крыльца сиганули в сугроб, промчались до угла, оглянулись украдкой. Матери с коляской нигде не было видно. Санёк, сунувший банку пива под куртку, придерживал её бережно и даже немного нежно, будто ребёнка.

Идти в какой-нибудь другой подъезд и сидеть там на холодных ступеньках, хлеща горькое пиво, не хотелось, и друзья взобрались на крышу подземного погреба в соседнем дворе. Покатая крыша была густо засыпана сияющим снегом. Обычно тут сооружали

ледяную горку, но в этом году как-то не задалось, и теперь погреб больше всего напоминал заброшенный дом.

Санёк стряхнул рукою снег с крыши, и снежинки серебристым водопадом хлынули вниз. Игорь развалился на спине, раскинул руки и сощурился, глядя в небо, по которому неторопливо плыли темнеющие облака. Сашка упал рядом с Игорем, попытался расслабиться, хоть ноги уже окоченели в кроссовках. Ледяной воздух забивался в лёгкие, раскрашивал синевой губы.

— Ну. Пить-то будем? — нетерпеливо спросил Игорь. Санёк достал банку, открыл и сделал первый глоток — пена ударила в нос, холодом просочилась в тело и сразу же неприятно обожгла внутренности.

Сашка передал банку Игорю, и тот присосался к ней жадно, словно оголодавший кутёнок.

Так они и лежали на крыше погреба — беспечные и замёрзшие, пили пиво и болтали о мелочах. Санёк смеялся, отхлёбывая горькое пойло. Хохотал и дрыгал ногами, когда Игорь рассказывал что-то очень смешное. Пива, конечно, для них было маловато. Ну, хоть что-то, и то радость.

Потом они снова принялись шататься по городу, заходить в торговые центры, носиться по раздолбанному детским площадкам. Алкоголь плескался внутри Санька, заставляя его смириться с чёрной реальностью.

— Слушай, что-то жрать охота, — буркнул Сашка, когда день уже

неторопливо клонился к вечеру. — Пойдём до магазина.

— У меня нет денег, — предупредил Игорь на всякий случай.

— Пойдём, пойдём, — поманил его друг.

Супермаркет был огромным и сияющим — Сашке так нравились эти большие магазины, где тепло и запах выпечки, медленная музыка, льющаяся откуда-то с потолка, широкие полки, заставленные едой... Иногда Санёк часами мог бродить между стеллажами, жадно глядя на связки бананов или глянцевого шоколадные батончики.

В тепле магазина руки мигмом вспыхнули жаром, щёки налились румянцем. Лавируя между рядами, Санёк запутывал охранника, брал банки с фасолью, осматривал их и ставил обратно, переставлял местами газировку, хватал чипсы и тут же бросал на полку. Игорь шёл рядом, озираясь нервно, натягивал шапку на самые глаза.

У полок с чаем возилась уборщица — то и дело смачивая в мыльной воде швабру, она тёрла белоснежный пол. На Саньке она задержала долгий и тяжёлый взгляд. Насторожилась.

— Пора, — шепнул Сашка, зайдя за угол, огляделся в поисках камер, а потом схватил с полки пачку шоколадного печенья и сунул себе за шиворот. Игорь, покрасневший то ли от тепла, то ли от лихорадочного страха, завладел газировкой и крепко застегнул куртку, пряча свою добычу.

Они снова лавировали между полками, хватали банки и ставили их обратно, только вот некоторые шурушащие пакеты оседали в карманах — упаковка желе, воздушные драже, пачка чипсов, сухарики, бутылка пива...

— Сматываемся, — наконец-то пробормотал Санька, ставя на место бутылку молока и разворачиваясь к кассам. Там как раз возникло столпотворение: уставшие после работы люди держали в руках переполненные корзины, вздыхали и поглядывали на часы, поторапливали медлительную кассиршу. Два худых паренька прошмыгнули мимо очереди, с фальшивой неспешностью направились к дверям, едва ли не насвистывая беззаботно.

У дверей, скрестив на груди руки, стоял охранник.

— Чёрт, — выругался Санёк, отводя глаза. — Спалил! Резче, возвращаем всё!

Они обернулись, намереваясь броситься назад, но... Но прямо за их спинами возник второй охранник — грузный и бородатый, он нехорошо улыбался, глядя на них.

— Спалил, — согласно подтвердил охранник.

Друзья рванули врассыпную, но Саньке не повезло — впервые в этом супермаркете, чёрт, чёрт! Он воровал в магазинах с малолетства, попадался крайне редко (мигом вспыхнули болью рёбра, стоило вспомнить о кулинарии, где продавали сладкие пирожки). Правило номер два — после незамеченной кражи избегай на

время этот магазин. Правило три — никогда не бери слишком много, никаких дорогих продуктов...

Забудут. Тогда забудут.

Его лихорадочные мысли прервал крепкий захват — охранник вцепился в ободранный воротник старой куртки, обхватил за шею, а другой ладонью стиснул запястье.

— Бьют! Ай, больно! — завещал Санёк, извиваясь, словно морской угорь, только бы вырваться из цепкого захвата. — Пусти, дядька!

Люди на кассах заволновались, принялись всматриваться в потасовку. Лица у них были пустыми и равнодушными. Интерес, вспыхивающий в глазах, быстро гас, словно сжираемый огнём кусочек тополиного пуха. Кассирша, смерив Сашку презрительным взглядом, продолжила пробивать товары.

— Он меня хочет изнасиловать! Помогите! — орал Санёк, пытаясь незаметно вытрясти всё наворованное из карманов, но охранник легко и почти нежно заломил его руки и толкнул вперёд.

— Пошли, актёр. Попал ты.

К ним подбежал первый охранник, который несколько минут назад стоял у дверей. Тяжело дыша, он остановился, согнувшись пополам. Багровый подбородок дрожал, а лицо, одутловатое и небритое, разочарованно вытянулось.

— Поймал? — спросил тот, что держал за руки вырывающегося Сашку.

— Нет. Он сперва в магазин...

Уф... А потом через кассу прыгнул и удрал. Тварёньш. Но всё выбросил вроде бы, наворованное.

— Понятно. А вот этот теперь не отвертится.

И Санёк заорал — заплакал, заревел сиреной, выгибаясь, засучил ногами, но ничего не помогало. На него смотрели, но никто и с места не двинулся.

Сашку потащили в комнату охраны.

...За окном стужались сумерки — ночь зимой всегда наступала внезапно. Вот только что краешек кроваво-красного солнца маячил на горизонте в прорехе между многоэтажками, а вот уже вспыхнули фонари, темнота спеленала улицы коконом, а редкие прохожие, возвращающиеся с работы, теньями сновали на улицах.

Санёк сидел на жёстком стуле — скрестив на груди руки, он молчал, глядя куда-то в сторону, только бы не сталкиваться взглядом с хмурыми охранниками.

— Как зовут? — спрашивал бородатый.

Санёк молчал.

— Давай телефон родителей, будем решать вопрос, — предлагал второй.

Санёк не двигался.

— Отлично. Звоним в полицию, пусть приезжают. Они мигом установят, что это за хлопчик. И родителей сразу найдут.

— Записывайте номер мамки, — хрипло выговорил Сашка, ещё сильнее обхватывая себя руками. На столе перед ним лежало всё, что парень пыгался стащить, — шоколадные батончики и печенье, чипсы, газировка. Разноцветная

куча на тёмно-коричневой столешнице.

Дверь комнаты заперли изнутри, охранник медленно и с издёвкой закрыл замок и спрятал ключ в карман, чтобы Сашка и не надеялся сбежать. На окнах — пластиковых, благодаря которым в комнате было очень тепло, — стояли витые решётки.

Никак не выбраться. Попал.

Время текло медленно, тикали большие круглые часы на стене, а охранники сидели и пялились в мониторы, не обращая на Санька внимания. Понимали, что он будет молчать до последнего, загнанный в угол волчонок, испуганный, но не подающий вида.

Сашка знал, что теперь не отделается, — он уже на учёте, ему инспектор стал почти родным, а теперь от условки до колонии для несовершеннолетних и вовсе рукой подать, но так просто сдаваться он не собирался. Да, влетел, и влетел крупно.

Но он обязательно что-нибудь придумает.

А Игорь тоже, ещё друг называется. Сбежал — только его и видели. Примчался, наверное, домой, кается перед мамкой, мотает на кулак сопли. Ему-то хорошо. Мать наорёт, отец всыплет ремня, Игоря закроют под домашний арест, но он будет сидеть в своей тёплой комнате, смотреть по вечерам телевизор и жрать мамкины пирожки...

В дверь постучались. Сашка вздрогнул.

Лёгкий звук, словно барабаныт капли дождя о дерево. Бородатый охранник, всхрапнув

глухо, поднялся и достал из кармана ключ. Тот повернулся в замочной скважине с недобрый скрипом. Сашка весь подобрался, думая, кто же за ним пришёл.

За дверью стояла Аяна — взлохмаченная и с перекошенным лицом, в одном лишь сером свитере. Расчёсанное лицо было не окрашено, маленькие глаза насторожённо блестели.

У Саньки от удивления даже рот раскрылся.

— Господи, Сашенька! — заголосила Аяна, бросаясь к брату. Подлетев, сестра обняла Саньку, обхватила руками его колючую голову, принялась торопливо целовать — её губы скользили по щекам, макушке, ушам... Санёк дёрнулся в сторону, но Аяна держала крепко, гладила и рыдала так, что гул стоял на весь магазин.

Опешившие охранники стояли, не зная, что им делать. В их комнате бывало разное: и концерты закатывали порядочные, и истерики, но сейчас мужчины молчали, глядя, как Аяна утирает заплаканные глаза.

— Девушка, — окликнул её охранник, но Аяна даже не услышала. — Девушка! Вы вообще кто?!

Она обернулась, зарёванная и покрасневшаяся.

— Я сестра, сестра этого балбеса, оболтуса, Сашенька, боже мой, что же ты опять... — принялась причитать Аяна.

— Отпусти! — рявкнул Сашка, выпутываясь из крепких стринских тисков, прикрывая руками влажное лицо. Он ненавидел любые нежности, и спектакль,

разыгрываемый Аяной, был ему непонятен. Отвратителен.

— Заткнись, — едва слышно огрызнулась она, целуя его прямо в ухо, обжигая кожу дыханием.

— Мы вообще-то мать звали, — сурово буркнул второй охранник. — Это вообще-то уголовное преступление. Мы полицию вызовем...

— Прошу вас, выслушайте меня! — всхлинула Аяна, прижимая к себе непутёвого брата. — Мы... Мы несколько дней назад стали круглыми сиротами. Наша мать... Она пила, очень сильно. Она алкоголичка, запойная... Была, боже мой... У нас никого не осталось, только братишки и сестрёнки, они хотят кушать, голодные, вот Сашке и пришлось... Простите его, умоляю...

Её взгляд скользнул по разложенным на столе чипсам и газировке, и в ту же секунду бледные руки больно стиснули Сашкину голову. Да, будь на столе хлеб или колбаса, враньё звучало бы куда убедительнее.

В комнате повисла тишина, только едва доносился вой стужи из-за окон, да всхлипывала дрожащая Аяна. Сашка молчал в её руках — ладони, до того ледяные, покраснели и налились теплом, согревая напуганного брата.

Тепло. Простое такое тепло. Пользуясь тем, что никто на него не обращает внимания, Санёк зажмурился и тихонько прижался к рукам сестры. Незаметно.

Охранники молчали, глядя на Аяну. Кажется, их проряло.

Ну надо же.

— Мамка нас не воспитывала, — продолжала она, шмыгая распухшим носом. — А сейчас, когда умерла... И вообще... Я не знаю, как их воспитывать, не знаю, не могу...

Она завывала тонко-тонко, скорчила уродливо лицо. Бородатый охранник сделал к ним шаг, протянул руку и положил её на плечо девушке. Аяна рыдала так сильно, будто вот-вот захлебнётся слезами.

— Ну, не реви, — попросил бабовито охранник. — Не звери же мы...

— Санечка, он же... Он у нас самый старший, но на работу не берут ещё, вот он и решил сестрёнок покормить...

— Воровать тоже не дело, — сурово буркнул второй охранник, отворачиваясь от этого зрелища.

— Да, вы правы, правы, конечно... Но я помогу ему, он поклянётся, что больше никогда... Клянись! — она дёрнула брата, словно деревянную игрушку. Сашка набылчился, глянул исподлобья, но выдавил едва слышно:

— Клянусь, — и скрестил пальцы на левой руке. Детский жест, но пальцы будто легли сами собой.

— Правда, он никогда! Пожалуйста, не ломайте ему жизнь, пожалейте дурака! Он не плохой, он просто не знает, как правильно, не умеет ещё... Прошу вас! Умоляю! Я даже...

Отстранившись от брата, она упала на колени — рухнула, навверняка больно ударившись о замызганный кафель, протянула руки, схватилась пальцами за ботинки охранника... Тот отпрынул

в ужасе, выдёргивая из тонких девичьих рук свою обувь.

— Ты чего? — спросил он поразённо, пока Аяна подползала всё ближе.

— Я на колени встану, вы только отпустите его, простите дурака, он никогда здесь больше не появится...

Санёк сидел, застыв на стуле, и не мог оторвать взгляд от ползущей Аяны. Сестра так страшно унижалась, что вызывала внутри Санька почти что ненависть. Отвращение, похожее на морскую волну, готово было затопить Санька и утащить его прямо в пучину.

Лицо перекосило.

Какое унижение...

— Вставай, — бородатый охранник подцепил Аяну под локти, поднял её, но она, вцепившись ногтями в его куртку, вдруг глухо застонала и осела на пол. Багрные щёки пошли пятнами.

Рот Аяны раскрылся, а глаза закатились, обнажая красноватые белки. Девушка обмякла в чужих руках.

— Янка? — дёрнулся Санёк немного недоверчиво, подозревая, что это может быть очередным спектаклем.

Сашку согнали со стула, усадили туда Аяну, похожую на тряпичную куклу, — руки безвольно болтались у самого пола. Больше всего пугал раскрытый рот: из-за него лицо казалось вытянутым и жутким.

На девушку побрызгали чаем из кружки, похлопали Аяну по щекам, подержали запястье с умным видом.

— Скорую вызываем? — спросил второй охранник.

— Не надо! — крикнул Сашка, неизвестно когда вцепившийся в бледную руку сестры.

— Не надо... — слабо согласилась Аяна, приоткрывая глаза. — Мне лучше... Простите меня. Я просто...

— Ничего, ничего, — бородач охранник сунул ей в руки свою кружку с горячим чаем и напряжённо улыбнулся. — Ты попей. Он с сахаром. Сладкий. По-может тебе.

— Спасибо, — Аяна робко сделала глоток, а потом головой прислонилась к Сашкиному плечу. — Простите нас, пожалуйста...

— Ну, — задумчиво произнес охранник и поскрёб бороду. — По сути, он ничего унести не успел, так что мы отпустим. Ты это только... Не воруй больше.

— Хорошо, хорошо, — закивала Аяна и резко поднялась. — Спасибо вам, спасибо большое...

Вцепившись в Сашкину руку, она поволокла его прочь из магазина.

— И чтобы больше сюда не приходил! — крикнул запоздало второй охранник.

— Пошёл ты, урод, — просипел Санёк, а Аяна, не оборачиваясь, рывкнула шёпотом:

— Заткнись! Живо за мной!

...Снежная буря, разыгравшаяся на улице, бесновалась в полуночном припадке. Во вьюге прятался даже слабый фонарный свет. Люди, попадающиеся по пути, прикрывали лица воротниками и шарфами, брели, слепые, сражаясь с порывами ветра. Аяна в лёгком свитере крепко обхватила себя руками.

Санёк устал, что его, словно телёнка, тащат домой, и вырвался. Сестра оглянулась, потом подошла к Саньку так близко, что он смог разглядеть каждую багровую точку на её лице. Аяна всмотрелась в его глаза. Гнев разгорался в ней пожарищем.

— Ты совсем, что ли, дебил?! А если бы они ментов вызвали?

— Ментов нет давно, — крикнул ей в лицо Сашка, сражаясь с порывами ветра. — Полиция, Яночка! Полиция!

Она залепила ему такую пощёчину, что он едва не упал. Казалось, что даже пронизывающая насквозь вьюга притихла, сдаваясь под гневом Аяны. Раскрасневшаяся, со злыми чёрными глазами, сестра сделала шаг вперёд, вцепилась в воротник куртки Санька, рванула его на себя...

— Не смей называть меня Яной. У меня имя есть — Аяна, будь добр его выучить, придурок, — он дернулся, не сдаваясь, и Аяна снова ударила его по лицу. — Объясни мне, почему в проблемы попадаешь только ты? Ни с кем, даже с Ильёй нет столько возни, как с тобой!

— Так не лезь ко мне вообще! — заорал он ей в лицо, плюнул, саданул по руке. — Ты никто, так отвали! Дура тупая!

— Закрой рот, — она снова махнула рукой, но ударила лишь вьюгу, а Сашка, оскалившийся, шархнулся в сторону. — Я постоянно тебя из любой задницы выгаскиваю, тварь ты неблагодарная. Если бы они вызвали ментов, тебя бы закрыли в колонию, как

ты не понимаешь?! А ты чипсы воруешь, идиот!

— Это моя жизнь! — заверещал он до стыда тонко, словно поросёнок. — Что хочу, то и делаю! Не трожь меня!

— Ненавижу, — прохрипела Аяна, стискивая зубы и хватая брата за рукав с такой силой, что затрещала ткань. — Будь ты проклят... Пошли живо домой. Живо!

— И я тебя ненавижу, — прошипел Сашка. — Чтоб ты сдохла!

В кармане его куртки запел мобильный телефон, тот самый, отобранный у первоклашки. Санёк не помнил, когда включил его, — видимо, когда пытался дозвониться до мамки, чтобы она забрала его из магазина.

Аяна обернулась — медленно, с неприкрытой злобой. Лицо её побелело, губы дрожали от холода. Не слушая брата и не обращая внимания на его попытки вырваться, она вытряхнула телефон из кармана и тупо посмотрела на небольшой экран, светящийся в сугробе.

— Это чьё? — глухо спросила она.

— Не твоё собачье дело!

На этот раз удар был такой силы, что на губах выступила солёная кровь, а Санёк рухнул в наметённый обжигающий снег. Глядя на сестру так, будто видел перед собой истинное зло, Сашка в отчаянии вытер губы, посмотрел на кровавый след, а потом сплюнул вместе со словами:

— Отобрал. У первоклассника. И чьё?

— Ничё, — отозвалась Аяна, обнимая себя руками. Потом нагнулась, подобрала телефон, где сияла краткая надпись «Мама». Погладила экран пальцем, словно хотела согреть озябшие руки. — Надоело мне всё это. Делай что хочешь. Больше я тебя выгаскивать не буду...

И, развернувшись, она ушла напрямик в буран — сторбленная и продрогшая до костей. Сашка остался сидеть в сугробе, сплёвываемая кровь, которая во тьме казалась почти чёрной.

...Утром в школе царили привычные шум и гам — первоклассник с огромным портфелем только что переобулся, повесил куртку на крючок и помахал рукой маме, смущённо пряча глаза. Дома он так и не решился рассказать, что на самом деле произошло с его телефоном. Соврал, что потерял по дороге из школы, и потом они с мамой долго ходили по сугробам, пытаясь найти мобильник...

Первоклашка весь вечер глотал слёзы и съёживался от упреков. Но утром про это больше не вспоминали.

— Пока, Мить! — крикнула мама от самой двери, и мальчик торопливо побежал в класс. Больше не опаздывая, не поднимая глаз на старшеклассников.

Он, тот самый, вчерашний, стоял возле двери в класс — если громко закричать, то Наталья Анатольевна услышит и прибежит на помощь, но маленький Митька всё равно остекленел в проходе, не решаясь сделать и шага.

Санёк стоял, скрестив руки на груди, и смотрел прямо на Митьку. Старшеклассник выглядел просто жутко: разбитая губа распухла, на щеке адела багряная царапина, прозрачные глаза заledenели. Митька дёрнулся, чтобы бежать, но старшеклассник двинулся к нему, лениво и угрожающе. Мальчик не знал, что ему делать.

Бежать? Кричать? Попытаться догнать маму?

Сашка остановился, и ему в спину миглом вонзились острые ногти — Аяна шла следом, хмурая и неумолимая. Когда их странная процессия приблизилась к мальчишке, Аяна присела рядом с ним, цепко держа брата за рукав.

— Привет! Не бойся, тебя никто не обидит... Как тебя зовут?

Митька молчал, глядя на девушку вытаращенными глазами.

— Пошли, ну его... — заныл Сашка, вырываясь.

— Заткнись! — рыкнула на него Аяна и обернулась к мальчику, вновь дружелюбно улыбаясь. — Этот идиот — Сашка, я — Аяна. А ты?

— Митя... Дмитрий, — шёпотом отозвался мальчик.

— Приятно познакомиться, Дмитрий. Знаешь, Саша хотел тебе кое-что отдать...

Отвернувшись и глядя в сторону, Санёк сунул мальчику телефон — мёртвый, но готовый ожить в руках настоящего хозяина. Митька не двигался. Трясся от страха.

— Извинись, — потребовала у брата Аяна.

— Да пошла ты... — Санёк сунул Митьке телефон, почти бросил в мальчика и, вырвавшись, побежал прочь, весь багровый от стыда. Маленький Митька замер, держа в раскрытых ладонях мобильник.

— Прости его, пожалуйста, — попросила Аяна, заправляя волосы за ухо. — Он не со зла. Он хороший, правда... Не обижаешься?

— Нет, — деревянными губами отозвался Митя.

— Молодец. Отличником будешь. Ну, иди в класс, — она похлопала его по плечу, и мальчик дёрнулся от этого прикосновения.

Только сев за парту, Митька выдохнул и включил телефон. Засветился экран, тренькнуло приветствие. Телефон был почти разряжён, но на один очень-очень важный звонок заряда батарейки всё-таки хватило.

— Мама! — крикнул мальчик так, что встрепенулась за столом Наталья Анатольевна. — Мама, я телефон нашёл! Мне его вернули! Одна тётенька, да... Мам, всё хорошо!

Аяна, стоявшая у самой двери, улыбнулась одними губами. Глаза её оставались сухими и печальными.

...Новый год в Сашкиной семье редко когда походил на настоящий праздник: обычно у матери в комнате разворачивалась крупная пьянка, на которой дети торопливо ели закуску, танцевали с малознакомыми людьми, а наутро Аяна, вооружившись тазиком, принималась отмывать с пола и стен либо чью-нибудь кровь, либо рвоту.

Иногда и то, и другое вместе.

Этот Новый год не был исключением, только толстощёкая Лидка раздобыла где-то крупную еловую ветку, и её поставили в кувшин с водой, чтобы она не засохла раньше времени. Скрюченный Илья смотрел на ветку днями напролёт. В детской поселился настоящий еловый дух — смолянистый запах хвойного леса.

Перед праздником мама, в очередной раз решившая жить без стакана, а потому страдающая от трезвости, затеяла ремонт. Дети с удовольствием помогли: отодрали все обои, засыпав старую мебель пылью и штукатуркой. Теперь стены напоминали художественное полотно — где-то проступали язвы бетонных плит, где-то торчали ошметки прежних обоев, которые клеила ещё бабушка.

Петька в коротких розовых шортах и пилотке, которую мама сложила из газеты, залиvisto хохотал, наблюдая за этим дурдомом. Аяна, отдиравшая обои у самого потолка, засыпала себе все глаза штукатуркой и долго ходила, моргая и щурясь. Сашка демонстративно игнорировал ремонт, а Лидка помогала, баюкая в себе восторг от того, что мама трезвая и поёт что-то тихонько, собирая ленты обоев в старый холщовый мешок. Илья смотрел за ними, весь бледный от пыли, и улыбался.

Потом мама опять зашла. Обещала купить новые обои с пенсии Ильи по инвалидности, но так ничего и не купила. Теперь детская больше напоминала комнату после бомбёжки, но дети привыкли и к этому.

Тем более что перед Новым годом о плохом думать совсем не хотелось.

В канун праздника в квартиру битком набились люди — чьи-то подруги с маленькими крикливыми детьми, такими же грязными и голодными, как обитатели дома; нетрезвые дяденьки с сальными руками и мутными глазами; пришёл даже какой-то седой старик в истрёпанной тужурке, который пил водку и не морщился, пел песни о зоне. Принесли гитару, и все мычали что-то под нестройный перебор струн. Было даже весело. Иногда.

Толстая Лидка танцевала с кем-то на столе — она, пока никто не видел, пила из маминой кружки и к концу вечера из насупившейся девчонки превратилась в совершенно невменяемое создание, хохоча и приставая ко всем подряд. Сашка курил, развалившись в кресле, и обгрызал селедочную голову.

На столе, помимо рыбы и чёрного хлеба, была только квашеная капуста, и Аяна, насмерть простывшая, с хрустом эту капусту жевала. Не обращая внимания на высокую температуру, девушка обвела глаза густым чёрным цветом, нацепила на себя чёрное кружевное платье и сидела, качая на ногах румяного Петьку.

Петька был любимцем публики — с ним сюсюкали, его качали, усаживали на стол, и он тянулся за бутылкой, словно это была отличная игрушка. Ему протягивали стаканы, и мальчишка морщился от едкого запаха. Аяна постоянно следила, как бы он

ничего не натворил и не свалился откуда-нибудь, подхватывала ребёнка и качала, когда Петька обиженно плакал.

Мать, пьяная в дрова, лежала на диване. Она только что танцевала сразу с двумя мужчинами, не забывая одарить каждого глубоким поцелуем. Дети старались не смотреть.

Зашедшись лающим грудным кашлем, Аяна выскользнула из общего веселья в непривычно тихую детскую, закрыла за собой скрипучую дверь. Маленький Петька, успевший наесться квашеной капусты, уснул, и девушка уложила его на матрасик, погладила по голове...

Во тьме комнаты сверкали лишь два тусклых пятна — глаза Ильи, который смотрел на свет проезжающих машин, озаряющий порой комнату, высвечивающий одинокую еловую ветку в стакане. Аяна оторвала несколько хвоинок, подошла к брату и сжала их в его худой и бледной ладони.

Он улыбнулся робко.

Из зеркала на девушку глянула измученная женщина — воспалённые глаза, вытянутое бледное лицо, обветренные щеки, прыщички на лбу. Она выглядела старше, гораздо старше, чем помнила себя. Растрёпанные волосы — ведьма, не иначе. Бордовые губы.

На секунду в зеркале возник образ, почти мираж, призрак. Маленькая улыбчивая девчонка, украшавшая у старшей сестры бордовую помаду. Машка... Аяна не вспоминала о ней целую вечность. Маленькая глупая Маш-

ка, попавшая под поезд. Они ни разу даже не съездили на кладбище, не поставили за неё в церкви свечу, не купили багряных гвоздик.

Не говорили о Машке, будто её и не было никогда.

На столике у зеркала стояла кружка с холодным чаем — Аяна вцепилась в неё пальцами, глянула в зеркало, улыбнулась, растягивая резиновые бордовые губы.

— За тебя, сестрёнка, — шепнула она и чокнулась со стеклом.

Машки не хватало, вот сейчас, именно в этот праздник. В том году сестра отыскала ароматные шишки, завернула их в фольгу и подарила каждому, даже Илье. Аяна чуть не расплакалась от этого кособокого подарка. Санёк бросил шишкой в сестру и расхохотался, а у Машки задрожали губы.

Глубокой новогодней ночью одна половина гостей разошлась восвояси, а другая уснула на полу и на мамином диване. Аяна хотела провести эту ночь с Пашкой, своим парнем, но он отказался — хочет, мол, побыть с родителями, не сердись.

Аяна и не сердилась. Она болела — пила бесцветный чай, обжигая им обветренные губы, спала в махровом мамином халате и кашляла, словно хриплая собака.

Санёк клялся, что не придёт домой в новогоднюю ночь, у него свои планы, но вот же, сидел в комнате всё время, молчал и потрошил чьи-то карманы, впрочем, пустые до зубного скрежета. Выкурил все Аянины сигареты, паршивец.

Ночью дети собрались в одной комнате. Аяна, успевшая задремать, очнулась от тяжёлого сна и сказала неожиданно:

— У меня для вас кое-что есть...

Под кроватью лежали две упаковки бенгальских огней — худые и потрёпанные, с выцветшими ярлыками, но настоящие. Аяна достала их, как главное сокровище, показала всем в тусклом свете единственной лампочки под потолком.

— Бенгальские огни... — зачарованно протянула Лидка, вытягивая вперёд руки. На секунду Аяне подумалось, что она и вправду сейчас сможет осуществить мечту младшей сестрёнки, как какой-нибудь Дедушка Мороз, изображённый на упаковке.

— Детский сад, — фыркнул Сашка, отворачиваясь.

— Саш... — попросила Аяна, разрывая упаковку. Похлопала по карманам в поисках зажигалки. — Помоги, пожалуйста... Подержи Петю.

— Вот ещё!

— Сашка... — Аяна замолчала, но в её голосе прозвучала надежда. Доверие.

Выматерившись, Сашка, уже стянувший брюки, сел на край дивана. Лидкины пьяные глаза сияли в полутьме.

Погасили свет. Старшая сестра, осторожно разбудив Петьку, усадила его на колени к Саньку — мальш, сонный и капризный, принялся недовольно ворчать.

Ломкие прутики бенгальских огней заворачивались и крошились в пальцах, но Аяна выпрямляла

их и раздавала каждому — пару штук Лидке, чьи щёки таинственно блестели, одну штучку Сашке, другую — в руку Илье...

— Э, — недовольно буркнул Санёк. — А малому?!

— А он удержит? — с сомнением спросила Аяна. — Только пожара нам не хватает.

— Я помогу, — глухо произнёс Сашка. Он не любил делать что-то хорошее, искренне был уверен в том, что доброта — удел слабых. Проще было перешагнуть через орущего Петьку, ударить беспомощного Илью. Сейчас Санёк впервые предложил свою помощь и замолчал, устыдившись.

Аяна протянула ему ещё один прутик.

Илью она подтянула к себе, выпрямила его с трудом, длинного и крючковатого, словно дерево, усадила на коленях, позволяя облокотиться на себя. Руки Ильи зажили своей жизнью — он бил ими, словно рыба плавниками, пытался сказать что-то, но язык не слушался.

— Держи, — попросила Аяна на ухо. — Я зажгу. Это красиво, Илюшка...

Вспыхнул язычок зажигалки, осветил детские лица едва-едва, но свет этот был тёплым и дрожащим. Вытянув вперёд руку, Аяна поджигала бенгальские огни — первым затрещал огонёк у Лидки, которая плакала, уже не скрываясь, затем вспыхнул прутик у Петьки, и мальчик заверещал от восторга, размахивая им в разные стороны. С шипением занялся бенгальский огонь у Сашки, и тот сидел, молчаливый и застывший,

а в прозрачных глазах его отражались всполохи серебристых салютов.

Аяна засмотрелась на брата; Санёк, вредный и диковатый, и правда был самой большой проблемой в их семье, хуже пьющей матери. Но сейчас, сидя в новогоднюю ночь в одних трусах и растянутой футболке, держа на руках младшего брата, он казался обыкновенным мальчишкой — потеряннным, немного несчастным, ещё очень слабым. Нуждающимся в заботе.

На руках у девушки дёрнулся Илья в припадке зависти, махнул своим незажжённым бенгальским огнем.

Вскоре каждый огонёк в этой комнате принялся шипеть и плеваться белыми искрами, а дети сидели замороженные, глядя огромными глазами на расцветающие в руках салюты. Аяна водила своим огоньком из стороны в сторону, озаряя лица, смеялась, наблюдая за братьями и сестрой, наслаждалась каждой секундой.

Они вдруг стали настоящей семьёй — не сбегали друг от друга, не врали, а сидели, прижавшись, и чувствовали настоящий праздник. Шипели огни, а ребята молчали, лишь тихонько всхлипывала Лидка.

Аяна придерживала рукой Илью, чтобы он не упал, и очень жалела, что не может сейчас обнять сестрёнку.

Погас первый огонёк — вспыхнул особенно ярко и потух, оставил тлеть красной точкой догорающий прутик. Второй, третий... Комната погрузилась в полумрак.

Хлопал в ладоши Петька, мычал что-то Илья. Остальные сидели молча, будто не хотели оборвать этот миг беззаботного новогоднего чуда.

Скрипнула дверь — в комнату скользнула тень, и все вздрогнули, отгоняя наваждение. В полумраке дети разглядели мамино лицо.

Она села напротив прямо на пол, скрестила по-турецки ноги. Чуть покачнулась, улыбаясь нетрезво, вздохнула волосы.

— Бенгальские огни жжёте? Круто... Аян, есть ещё?

— Есть, — кивнула та, не сводя с матери глаз.

— Давайте ещё раз, а? А я вместе с вами, — предложила мама.

Лидка заревела, зажимая себе рот рукой, потрясённая тем, каким восхитительным может быть этот неинтересный праздник, Новый год. Даже без мишуры, без ёлочных игрушек, без куцых сладких подарков, которые давала соцзащита. Без ёлки и мандаринов.

Но с бенгальскими огнями.

Санёк, скривившись, пнул сестру ногой:

— Нытик.

Петька на его руках довольно захохотал, протягивая вперёд руки.

— Заткнись! — буркнула Саньку Аяна, раздавая новые серебристые палочки, прижимая к себе свободной рукой счастливого Илью.

Старшая сестра улыбалась.

Она тоже наконец-то чувствовала счастье, ощущала его каждой клеточкой, держала в груди с трепетом, хрупкое и быстротечное.

(Продолжение следует)